Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук

Ф.Г. Галиева

РУССКОЕ СЕЛО ВОЗНЕСЕНКА ДУВАНСКОГО РАЙОНА БАШКОРТОСТАНА

Уфа
2013

УДК 398.331
ББК 63.5(2Рос.Баш)6-7
Г95

Книга издана на средства Администрации
Муниципального района Дуванский район
Республики Башкортостан

Рецензенты:
д. ист. наук, проф. *С.Ф. Касимов*
д. геогр. наук, проф. *А.В. Псянчин*

Утверждено к печати Ученым советом ИЭИ УНЦ РАН

Галиева Ф.Г.

Г95 Русское село Вознесенка Дуванского района Башкортостана: этнографические очерки / Ф.Г. Галиева; ФГБУН Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2013. 92 с.; ил.

В книге описана уникальная культура русского села Вознесенка Тастубинской волости Уфимской губернии, ныне Дуванского района Башкортостана. Село можно назвать энциклопедией русской крестьянской культуры на Южном Урале. Показана история возникновения поселения, дана характеристика хозяйственной деятельности, жилищ, интерьера домов, духовной культуры. В приложении приведены фольклорные записи, собранные экспедицией МГУ и Башкирского научно-исследовательского института истории, языка и литературы им. М. Гафури в 1949 г.

ISBN

УДК 398.331
ББК 63.5(2Рос.Баш)6-7

© Ф.Г. Галиева, 2013
© ИЭИ УНЦ РАН, 2013

От автора

В книге рассмотрена уникальная культура русского села Вознесенка Тастубинской волости Уфимской губернии, ныне – Дуванского района Башкортостана, которая является результатом развития традиций выходцев из Кунгурского уезда Пермской губернии. Село можно назвать энциклопедией русской крестьянской культуры на Южном Урале. Оно также является индикатором этнической адаптации к природно-географическим, социально-экономическим условиям, и консолидации с местным тюркским и финно-угорским населением.

Отдельные разделы книги посвящены истории возникновения села, характеристике топонима, хозяйственной деятельности, описанию особенностей поселения и жилищ, интерьеру домов, празднично-обрядовой культуре и песенному фольклору. Для их написания привлечены архивные документы и материалы полевых исследований автора в составе экспедиций Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук. В приложении публикуются фольклорные записи, собранные в 1949 г. в селе Вознесенка совместной экспедицией Московского государственного университета и Башкирского научно-исследовательского института истории, языка и литературы им. М. Гафури под руководством выдающегося фольклориста Э.В. Померанцевой.

Автор глубоко благодарит жителей села – удивительно талантливых, красивых, трудолюбивых, отзывчивых и духовно богатых людей, которые сохраняют и развивают родную культуру. Многому у них можно учиться – любить родной край – каждую травинку и песчинку, кустик и цветочек, ягодку и грибочек, подаренные природой, дорожить семейными ценностями, дружбой и взаимопониманием с другими народами, гордиться подвигами предков, смело преодолевать жизненные невзгоды, с оптимизмом смотреть в будущее.

Отдельную благодарность автор выражает главе администрации МР Дуванский район Республики Башкортостан *Олегу Алексеевичу Могильникову,* главе администрации сельского поселения Вознесенский сельсовет *Светлане Юрьевне Серебренниковой,* заведующему музеем *Валентине Васильевне Пестеревой,* председателю совета ветеранов села *Галине Гурьевне Чулковой* за помощь в сборе материалов, ценные советы и замечания при подготовке издания.

Из истории возникновения села

Вознесенка возникла в результате разрастания выселка Мусихинского (в 1897 г. – 109 дворов) с поселком Цыгановский (17 дворов[1]). Выселок Мусихинский, в свою очередь, основали государственные крестьяне из Тастубы. Впервые выселок Мусихинский упоминается в летописях (ревизских сказах) в 1795 г.

Сохранились и другие топонимы селения: *Хива, Мусихинский поселок* в честь основателя Мусихина, выселенным за неповиновение властям, *Киржацкая деревня,* в связи с тем, что первыми жителями села явились староверы-киржаки[2].

Выселки Тастубы были многочисленны: Аптышевский (11 дворов), Озерки (14 дворов), Луканинский (14 дворов), Зайцевский (26 дворов). Частью селения Мусихина был выселок Харинский (4 двора) и выселок Водолеевский (Черношарка – 9 дворов). Причина такого активного освоения земель заключается, по В.С. Касимовскому, в «вольном характере» русских переселенцев – выходцев из Кунгурского уезда Пермской губернии. Здесь, на благодатной земле, при наличии рек, озер, родников, лесов кунгуряки могли основывать хутора, засеивать вдоволь хлеба, выращивать скот, завестись пчелами, строить мельницы, заниматься охотой, рыболовством, собирательством, ремеслами, и жить вольготно.

Между Тастубой и Вознесенкой расстояние всего полкилометра, природно-географические условия на новом месте переселенцы сочли еще лучшими: грунтовые воды дольше не проступают при подготовке фундамента жилища и подпола[3]. Место равнинное, удобное для хлебопашества, земли достаточно. У жителей Мусихинского выселка под усадьбами было до 75 десятин земли. В до-

---

[1] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VI. Златоустовский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1897 года // Страницы истории Дуванского района. Месягутово, 1991. С. 61–62.

[2] Полевые материалы автора (далее ПМА) 2009 г. Информатор С.Ю. Серебренникова (1963 г.р.), председатель Вознесенского и Тастубинского сельских советов.

[3] Информатор тот же.

ментах 1897 г. читаем: «население зажиточное, обеспеченное своим хлебом с избытком. Недостатка в рабочих руках не ощущается»[1]. Для системы жизнеобеспечения большое значение имела река Мелекес (Картья) и святой источник. В лесах много пушного зверя, медведей, лосей; флора богата полезными растениями и грибами.

По В.С. Касимовскому, наиболее ранние кунгуряки на местных землях получили «свой временный притон в маленькой мордовской деревушке, имеющей домов 20, находящейся при реке Малой Кошелевки и называемой по имени башкирской волости Дуваном»[2]. Они прибыли в Дуван-Мечетлинскую волость, стали «кортомить (брать в аренду) удобные для хлебопашества плодородные земли и с согласия башкир в 1760–1770 гг. основали с. Дуван.

Русские переселенцы из Пермской губернии почти одновременно основали с. Тастуба при реках Картья и Суханка (упоминается в документах 1787 г. с 50-тью дворами государственных крестьян), с. Лемазы (1788), с. Метели (1793 г.), с. Месягутово (1798 г), с. Сикияз (Тепловка, 1798 г.), с. Сарты (1798 г.), с. Озеро (1798 г.)[3]. Позднее появились: с. Ярославка (Никольское по названию каменной церкви в честь Николая-чудотворца, 1802 г.), с. Кошелевка (1807 г.), с. Митрофановка (1879 г.), с. Рухтино (Искаково, 1898 г.), д. Чертан (1905 г., выселок с. Дуван) и другие, всего около 40 русских селений.

Компактное расположение русских сел переселенцев из одной губернии, а значит, представителей одного культурного диалекта, позволило быстро и легко адаптироваться к местной природно-географической и социально-экономической среде, в условиях общинного землевладения совместно решать проблемы и, как показало исследование, лучше сохранить этническую культуру. Будучи

---

[1] Сборник статистических сведений. С. 59.

[2] *Касимовский В.* Исторические очерки о Дуване (1868, 1887 гг.). Месягутово, 1991. С. 6; То же. Этнографический очерк села Дувана Уфимской губернии Златоустовского уезда. Составлен Действительным Членом Уфимского Статистического Комитета В. Касимовским // Уфимские губернские ведомости. 1877.

[3] *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. С. 501.

выходцами из соседнего селения, они продолжали контактировать со своими родственниками и друзьями. Ходили в гости, проводили совместные праздники и обряды, на которых завязывались новые знакомства, в том числе будущих супругов, заключались браки, связи между селениями укреплялись. Жители Вознесенки сбывали свой товар в «базарном селе» Дуван (12 верст) и на Метелинской пристани при р. Ай (33 версты). Контакты поддерживались также с Тастубой, Ярославкой, Сальёвкой и другими селениями.

К середине прошлого столетия в Вознесенку переселились вместе со своими домами жители соседней русской деревни (в 1897 г. – выселок) Черношар и некоторые другие селения.

Вознесенка стала полиэтничным селом лишь в последние десятилетия за счет подселения башкир и татар, нашедших здесь работу и жилье. Татарская семья Васимовых основалась в Вознесенке, вернувшись в годы массовой реэмиграции с Казахстана и не обнаружив свободных домов в башкиро-мишарском селе Улькунды, что находится в нескольких километрах. В Вознесенке также укоренился 1 грузин, приехавший сюда с родителями еще в подростковом возрасте. Закончил школу, отслужил в армии, женился на местной русской девушке.

По переписи населения в 2002 г. в Вознесенке проживало 1220 чел. За 10 лет численность увеличилась и к началу 2013 г. составила 1290 чел.: 1277 русских, 5 башкир, 8 татар. Они проживали в 380 дворах. В 2010 г. родилось 15, в 2011 г. – 14, в 2012 г. – 19 детей. Если рождаемость в последние годы немного растет, то смертность, хоть и незначительно, но падает: в 2011 г. – 20, в 2012 г. – 17 чел.[1]. Есть старожилы. 19 сентября 2012 г. житель с. Вознесенка Дмитрий Андриянович Киселев отметил свой 100-летний юбилей.

От Вознесенки до районного центра Месягутово – 47 км. До ближайшей железнодорожной станции Сулея – 122 км.

[1] Информатор С.Ю. Серебрянникова (1963 г.р.). 2013 г.

Церковь как центр духовной культуры[1]

Православный Храм во все времена был центром духовной культуры. Нравственными достоинствами русского населения Уфимской епархии в конце XIX столетия считали патриотизм, гостеприимство, прямодушие, уважение к старшим, любовь к семейному очагу и трудолюбие[2]. Все эти качества имели жители Мусихинского выселка и Вознесенки.

Поначалу они ходили в церковь с. Тастуба (осн. в 1823 г.). Со временем в Вознесенке был построен молитвенный дом, освященный 5 мая 1897 г. При нем было 36 дес. земли. Притч, состоящий из священника и псаломщика, в год получал 400 руб. жалованья, имел доход от прихожан в размере до 200 руб., а также ругу около 100 руб. Сохранилось описание сбора руги одним из членов Бирского уездного сельскохозяйственного комитета Уфимской губернии: «…Движется по дороге обоз. На передней подводе батюшка с матушкой, за ними работник на пустой подводе с мешками. Далее псаломщик с женой и тоже с мешками. Кроме мешков имеется запас пустых кадок и кринок. Обоз начинает сбор руги с первой и кончает последней избой села. Мужчины требуют себе зернового хлеба или муки, а женщины масла, яиц, конопли, пряжи»[3]. Такие сборы устраивали несколько раз в год.

Вознесенка стала называться селом после того, как здесь появилась каменная церковь Вознесения в первое десятилетие XX в. Старожилы рассказывают, что ее строили 12 лет на государственные средства и пожертвования местных жителей. По селу ходили специальные люди «богоносы», которые собирали деньги, «кто сколько сможет», и куриные яйца, на них замешивали раствор. Кирпич делали у восточной стороны Малиновской горы, обжигали в обыкновенных печах. Для проверки качества кирпичи на неделю опускали в озеро. Если они не размокали, значит, годны для строи-

---

[1] При написании раздела использованы материалы В.В. Пестеревой, основателя и руководителя Вознесенского краеведческого музея, и Н.А. Киряковой, преподавателя Вознесенской средней школы.

[2] *Златоверховников И.* Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899. С. 282.

[3] Там же.

тельства. Каждый год, прежде чем продолжить возведение стен, снимали 2–3 ряда кирпичной кладки, а потом начинали новую кладку. Строили летом. Подрядчиком на строительстве был Чересов Михаил, прадед А.Г. Фефеловой.

Имеется описание Вознесенской церкви 1899 г.: «Церковь каменная, с такой же колокольней, покрыта железом, снаружи выбелена, внутри окрашена масляной краской и украшена стенной живописью из жизни спасителя и изображением святых. Церковь длиной 15 саженей, шириной 8 саженей. Окон 28 с двойными рамами, дверей 3. Под колокольней расположена сторожка, а на другой стороне кладовая и ход в колокольню. Отопляется церковь 5-ю печами. Из них одна в алтаре, одна чугунная в середине храма, другая из толстого железа Сторожка отопляется железной печкой. Снаружи церковь обнесена деревянной оградой, пол в церкви из каменных плит выкромлен»[1].

В прошлом православные сельские храмы объединялись в специальные округа, во главе которых стояли благочинные. Первоначально Тастубинская и Вознесенская церковь входили во 2-ой Благочиннический округ, а незадолго до 1917 г. во вновь выделенный 4-й. Благочинным 4-го округа был священник из Вознесенки Соколов Александр Петрович.

Сохранились редкие фотографии каменной церкви Вознесенки, предположительно, сделанные А.Малининым, единственным в то время фотографом на всю округу. В 1932 г. Вознесенскую церковь закрыли с письменного согласия большинства местных жителей, оказавшихся вынужденными подчиниться решению местной парт. ячейки во избежание репрессий. Все 6 колоколов сняли и сдали на переплавку Уфимской конторе цветного металла. Известен их вес: 1) 108 пудов 20 фунтов; 2) 33 пуда 20 фунтов; 3) 11 пудов 31 фунт; 4) 2 пуда 2 фунта; 5) 33 фунта; 6) 17 фунтов[2]. Кресты снимал Николай Павлецов, за что, по мнению старожил, был наказан Богом: его лицо парализовало. Росписи на стенах закрашивали, но они проступали вновь. Церковное имущество (154 наименования вещей,

[1] Там же.

[1] Златоустовский филиал Гос. архива Челябинской обл. Ф. 38. Оп. 1. Д. 190. Л. 42.

[2] Там же. Л. 12.

46 книг) разобрали верующие села и драмкружок Вознесенского сельского клуба (ризы, скатерти). По легенде, священник вознесенского прихода спрятал наиболее ценное имущество до лучших времен, но дальнейшая его судьба неизвестна. Постройки перешли в ведение сельсовета. Здание самой церкви сначала пустовало, потом использовалось как склад зерна. Народ относился к этому спокойно: «хлеб не оскверняет помещение».

В 1970-е гг. колокольню церкви разломали и увезли для строительства мелькомбината в с. Тастуба и тюрьмы в с. Дуван. Лишь после третьей попытки взорвали основное здание, так как кирпичная кладка оказалась очень прочной. Часть кирпича пошла на строительство колхозной столовой, другую часть разобрали колхозники. От церкви остался один фундамент, который стоит до сих пор. В 2010 г. здесь поставлен поклонный крест.

11 апреля 1999 г. в центре села появилась новая деревянная церковь при активном участии жителей села Федора Петровича Горкунова, а также М.П. Горкунова, А.П. Горкунова, В.Е. Середова, А.А. Кирякова, М.Н. Кирякова, Г.Ф. Лоскутова, М.В. Погадаева. Они сделали купол на крышу здания, изготовили металлические и деревянные подсвечники, рамки для икон. Реставрацией икон занимался Е. Селянин. Женщины Н.И. Кобякова, В.Е. Малинина, А.Г. Тихомирова и другие выткали половики, коврики, вышили накидки для тумбочек. Церковь была освящена священником Лукой.

В 2010 г. построена часовня возле святого источника. Жители села также надеются на восстановление разрушенного Храма Вознесения в его первозданном виде, с блеском куполов и звоном колоколов.

Церковь в Вознесенке консолидировала местное население. По выходным и праздничным дням здесь собирались от мала до велика. Крестили детей, венчали новобрачных, отпевали усопших. Православная церковь способствовала переходу некоторых местных раскольников в «истинную веру». В 1899 г. приход Вознесенки состоял из 1196 душ обоего пола (601 женщин и 595 мужчин) и 98 душ раскольников[1]. К настоящему времени в селе сохранились жители, считающие себя староверами. Но они вместе с православными проводят общие праздники, совместные трапезы, образуют межконфесси-

[1] *Златоверховников И.* Указ. соч. С. 175.

ональные браки. На кладбище староверов и православных ныне хоронят рядом, ставят православные кресты.

Церковь послужила духовному единению и сохранению идентичности русских, оказавшихся в башкирском крае. Ее разрушение в советские годы способствовало потере приоритета нравственных догм. Строительство новых религиозных объектов в последние десятилетия призвано возродить духовность.

Особенности поселения

Как и многие другие русские селения России, Вознесенка вытянута на почтительное расстояние – более 7 км. Село имеет уличную планировку, состоит из нескольких двусторонних порядков, соединенных проулками, расположенных параллельно. У родственников дома расположены рядом. На центральной площади – сельская администрация, школа, дом культуры, библиотека, поликлиника, почта, отделение банка, несколько магазинов.

Особенностью русских селений на северо-востоке Уфимской губернии исследователи рубежа XIX и XX вв. называли необыкновенно широкие улицы: «видно, что здесь когда-то не было недостатка в земле»[1]. В Вознесенке дома отдалены от дороги на десятки метров, что снижает риск для маленьких детей и домашней живности, уменьшает шум, попадание в жилище пыли.

Вознесенку и соседние русские селения украшают «русские» ворота, которые переселенцы с северных губерний перенесли на башкирские земли. По М.А. Круковскому, обычай ставить крепкие ворота сохранился с глубокой древности для укрытия от внешних и внутренних врагов, в то время как у украинцев, белорусов и поляков даже в селениях, богатых лесом, воротами служит простая решетка, скорее для защиты от скотины, чем из боязни чужих людей. «Замкнутость, обособленность – вот характерные черты великоруса, и в этом он сильно отличается от своих более открытых соплеменников»[2]. В условиях Башкортостана «русские» ворота стали защищать хозяев от зимних буранов и глубоких сугробов и, видимо, поэтому

[1] *Круковский М.А.* Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909. С. 136.

[2] Там же. С. 146.

получили распространение в башкирских, татарских и других селениях, в различных районах республики. Некоторые ворота украшены изящной резьбой.

В начале XX в. исследователи отмечали отсутствие зелени в русских селениях переселенцев из северных губерний России. Это объяснялось традициями людей, раньше живших в условиях, когда лес начинался сразу же за усадьбами[1]. В Вознесенке одновременно со строительством дома перед усадьбой высаживали тополь, чтобы его могучие корни вытягивали влагу из подпола. В 2010–2011 гг. вековые деревья местные жители стали рубить, сразу же испытав неудобства.

Палисадники распространились лишь в середине прошлого столетия[2]. В настоящее время в Вознесенке за окрашенными заборами буйство красок создают разнообразные насаждения. В огородах и садах деревья и кустарники весной благоухают цветами, а летом и осенью излучают ароматы плодов и ягод. Они заставят любого человека смягчить свое сердце, порадоваться щедрости природы, оценить хозяйственность и трудолюбие жителей. Стоящие перед усадьбами скамейки безмолвно приглашают путников отдохнуть и осознать, что здесь бывало не одно поколение людей, что здесь встречаются прошлое, настоящее и будущее.

Исходя из описания русских селений М.А. Круковского, можно предположить, что за пределами Вознесенки, с одной стороны раскидывался городок широких и приземистых риг[3], почти полностью закрытых сверху соломой; стояли стога с узким одоньем[4]. С другой стороны селение заканчивалось поскотиной[5], за которой стоял

---

[1] *Бусыгин Е.П.* Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР // Географический сборник. Вып. 2. Казань, 1967. С. 108–127.

[2] ПМА 2011 г. С. Вознесенка, с. Тастуба Дуванского района РБ.

[3] Рига – род хозяйственной постройки, используемой для сушки снопов и молотьбы.

[4] В Белорецком и Дуванском районах вытянутая форма стога сохранилась и ныне. В южных районах стог напоминает тюркскую юрту.

[5] Поскотина – пастбище, выгон для скота; изгородь вокруг выгона [*Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка (онлайн версия) // www.classes.ru/.../russian-dictionary-Ushakov.htm] (дата обращения: 16.04.2011).

крест, благословляющий путника в дорогу. Поскотина имела громадные ворота, вращающиеся на вертикальной оси. У ворот был построен балаган для сторожа, задача которого – открывать и закрывать ворота. Балаган представлял высокую постройку конической формы, делался из дерна, положенного на жерди, с маленьким отверстием для входа, завешенным рогожей. Вверху имелось отверстие для прохода дыма. Внутри балагана трудно повернуться. В одном углу лежала постель, в изголовье – сундук, рядом табурет, служащий столом, а посреди – очаг для огня. Огонь разводился в ненастную погоду, а в ясные дни – снаружи. На досуге сторож тут же, у своего шалаша, плел лапти и корзины[1]. Балаганы жители Вознесенки строили в середине прошлого столетия для укрытия от дождя на время покосов, которые располагались в 10-ти и более километрах от родного селения[2].

В настоящее время Вознесенка – современное село. В недавно выстроенной по современным образцам школе есть солидный этнографический музей. Работают детсад и филиал Тастубинской детской музыкальной школы. Уникальные коллекции хранит частный геологический музей Сироты Сергея Николаевича с мастерской по изготовлению картин из природных материалов. В селе проложен асфальт, водопровод и газовое отопление. На домах, и старых, и новых, крепят современные тарелки спутниковой связи. В последние годы появилось кабельное телевидение.

Усадьба

Традиционная русская усадьба отличается функциональностью, продуманностью, удобством, где нет ничего лишнего, все выполнено, выражаясь современной терминологией, из экологически чистых материалов. Таковыми являются усадьбы Вознесенки, построенные еще в середине XIX в., и совсем недавно.

Красоту и величие Вознесенки создают её дома. Как и в других соседних селениях – Дуван, Месягутово, Метели, Тастуба, Ярослав-

[1] *Круковский М.А*. Указ. соч. С. 146, 135, 136.

[2] ПМА 2011 г. Информатор А.Г. Тихомирова (1927 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

ка, Сальёвка, – старые постройки и сейчас возвышаются на высоком фундаменте как крепости, защищающие хозяев от природных и социальных потрясений. Они пережили революции и войны, потому что сделаны умелыми руками, опираясь на многовековой опыт предков, сохранены заботой хозяев о своем жилище как о живом существе и сакральном объекте.

Во времена, когда в окрестностях стояли исполинские, кондовые леса, здесь строили многокамерные добротные дома, иногда двухэтажные, из «крепких восьмивершковых бревен» хвойных деревьев, в традициях русских – выходцев из северных губерний России. Сохранились рубленые дома, возведенные без единого гвоздя, по словам местных жителей. Один из них принадлежит уроженцу села Николаю Никифоровичу Горкунову (1930 г.р.). Новые постройки – из более тонких бревен. Изяществом отличается дом Ф.Р. Серебренникова, построенный в 1911 г., украшенный резьбой нынешним хозяином.

Крыши домов – в основном четырехскатные (шатровые), реже двухскатные (коньковые), иногда самцовые. Старожилы вспоминают о соломенных крышах домов и хозяйственных строений, о том, что вместо соломы использовали тес и дранье. Сейчас применяется железо, толь, шифер, все чаще встречаются профнастил и черепица. Есть чердак (голубница) и подизбица, которая раньше использовалась для обработки льна и конопли. Для этого собирались женщины и девушки из 3-х – 4-х семей, они устраивали «супрядки» с песнями и рассказами.

Типично нечетное количество окон, выходящих на улицу, чаще 3 или 5, иногда 7, украшенных резными наличниками и ставнями. Владельцы больших домов старались сделать больше окон не только на улицу, но и во двор для лучшего освещения помещения (для чтения книг и занятия домашними ремеслами). Лучина втыкалась в жестяную стойку светец, под ней находился таз с водой, куда опадали угли от постепенно сгоравшего дерева. Позже лучина заменилась сальными свечами, появившимися в продаже, и лампой, которая вешалась в середине комнаты.

Стены дома состоят из горизонтальных бревенчатых венцов – рядов, связанных по углам врубками. Крыльцо у дома традиционно делают со двора, крытым. Лестница ведет в просторные сени с чуланом, где стоят огромные лари, кадки, кадушки, иногда берестяные

туеса. Именно в них, как и раньше, хранят съестные припасы: заводские изделия не могут полностью с ними конкурировать. По словам хозяев, лари могут вместить грузовую машину зерна, натуральное дерево хорошо сохраняет качество зерна и муки[1]. В глиняных крынках молоко долго не киснет и остается более вкусным, чем при хранении в холодильнике. Правда, для воды используются заводские железные и пластмассовые ведра. В сенях одного из домов мы обнаружили изящную резную скамейку из ивовых веток[2].

Вход в дом осуществлялся через дубовую дверь и высокий порог для сохранения тепла в доме. В больших домах делали несколько горниц, дома крестьян победнее ограничивались избой, сенями и клетью, т.е. «кладовой с небольшим окном для склада шуб, коробок с холстами и сарафанами и прочей одеждой, также для хранения кадок с маслом, медом»[3]. Полы дома – из широких половиц, их окрашивали охрой, добываемой из местной горы, смешанной с конопляным маслом. Охрой пол красили ладонями рук, замазывая мелкие трещины и гарантируя тем самым хорошую сохранность и тепло.

В прошлом дома в основном топились «по-черному» (курные избы), и лишь некоторые ставились с печными трубами. По наблюдению А.А. Пекера, в курных избах сильно портилось зрение. В печах сжигалось много дров: из-за дыма хозяин проветривал помещение, которое моментально остывало. Чтобы согреться, он опять кидал в топку дрова, вызывая дым, и так постоянно. Для решения проблемы А.А. Пекер на страницах местной газеты предложил в домах на зиму устанавливать для тепла двойные рамы, ставить печи с трубой[4]. В с. Вознесенке, как и других русских селениях Дуванского района, намного раньше, чем в центральных и южных районах, стали ставить дома с печными трубами. Дополнительное тепло давали голландки. Печи-голландки зафиксированы В.С. Касимовским в 1868 г. как распространенное явление у зажиточных крестьян с. Ду-

---

[1] ПМА 2011 г. Дом М.П. Горкунова (1939 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[2] ПМА 2011 г. Дом В.В. Пестеревой (1940 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[3] *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 8.

[4] *Пекер А.А.* Несколько слов о домашнем быте русских крестьян // Оренбургские губернские ведомости. 1860. № 15 и 16 (16 апр.). С. 68.

ван[1]. Под влиянием русских печи-голландки появились в соседних башкирских и татарских селах, включая Улькунды[2].

В Вознесенке усадьба раньше огораживалась забором из жердей, сейчас – из дерева и металла. Она включала, помимо жилого дома, дощатый высокий сарай и хозяйственные постройки, расположенные по периметру замкнутого двора, защищающего двор от ветров и осадков. Надворные постройки соседних усадеб примыкали друг к другу. Под одной крышей часто объединялись помещения для коров, овец, домашней птицы – гусей и кур, хозяйственного инвентаря. Вдоль задней стороны двора устраивали широкий навес поветь, и в летнее время здесь стояли лошади, телеги, висела упряжь, находилась кошевня и дровня. Имелись также скотная изба, задний двор или загон для скота. Внутри двора находилось много утвари: деревянная ручная мельница, точило, льняная мялка, большие осиновые колоды для корма скота[3]. Крестьянское добро охраняла злая сторожевая собака в своей будке.

В настоящее время в Вознесенке можно встретить сараи, не уступающие по высоте и размерам жилому дому, где верхняя часть отведена под сеновал («пятра»). В некоторых строениях последних лет сеновал занимает верхнюю часть гаража. Во дворах и возле усадьбы ставят личный трактор и другую агротехнику, автомобиль; пытливый ум и хозяйственность позволили некоторым вознесенцам из старых мотоциклов сделать «новые» снегоходы. В сараях хранится корм для скота, включая запасы желудей (как в старые времена) для пропитания свиней, висят овечьи шкуры, порой здесь сушат лекарственные травы. Жители села хорошо знают целебные свойства местных растений и активно пользуются дарами природы.

В хозяйственных постройках мы обнаружили предметы, которые ранее были принадлежностью крестьянского дома, но со временем вытеснены современными и переместились в дальние уголки крестьянского хозяйства с расчетом, что еще могут пригодиться в будущем. Это горшки, чугуны, бондарные (кадки, бочки, ушат) и берестяные изделия (туеса, корзины). Хранятся инструменты – топор, скобель, пила, безмен, скребок. Здесь же – прялки, весы.

---

[1] *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 8.

[2] ПМА 2009 г.

[3] *Круковский М.А*. Указ. соч. С. 139, 146, 151.

На чердаке каменной кладовой А.Г. Петрова (1962 г.р.) были деревянные хомуты для быков и деревянный цеп для обработки льна, доставшиеся от предыдущих хозяев усадьбы. На рубеже XIX и XX в. дом принадлежал Кузнецову, который владел 5-ю водяными мельницами по р. Лемазе, плодородными землями, при этом пашня располагалась сразу за домом, многочисленным крупным рогатым скотом. Помогали справиться с крупным хозяйством наёмные крестьяне. По легенде, Кузнецова убили в собственном доме в надежде забрать его золото[1]. Каменная кладовая и хозяйственные предметы сохранились до наших дней.

Погреба для хранения продуктов, которые раньше располагались сразу за домом, в 1960-е – 1970-е гг. были разрушены в связи с широким распространением холодильников.

Баня представляла наземную срубную постройку с одним окном, двускатной крышей, раньше, возможно, без крыши с одним лишь потолком. Пол из досок имел отверстия для стока воды. В углу около дверей устанавливали печь-каменку. К печи примыкал дощатый полок со ступеньками. Топилась баня по-черному до начала прошлого века. В Вознесенке баня была почти в каждой усадьбе уже в первые десятилетия XX в., в то время как в южных районах – лишь к середине прошлого столетия. Её бани несколько раз менялось: вначале возле дома, затем, в целях пожарной безопасности за огородом, с 1960-х гг. вновь недалеко от жилища. Наличие бани рядом с домом экономило время и силы при доставке после помывки домой стариков и многочисленных детей[2]. В наши дни интерьер бани остался традиционным, но иногда на стенах встречаются жерди для сушки белья, стоит стиральная машина[3]. В предбанниках висят березовые, дубовые и хвойные веники, стоит лавка или кровать для отдыха.

До сих пор в Вознесенке сохраняются крестьянские хозяйства со всеми его атрибутами – огородами, сараями, сеновалами. Молодое поколение строит деревянные дома, используя опыт отцов и

[1] ПМА 2009 г. Информатор Федор Романович Серебренников (1940 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[2] ПМА 2011 г. Информатор А.Ф. Булатова (1939 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[3] ПМА 2011 г. Баня семьи Сафоновых, с. Вознесенка Дуванского района РБ.

дедов, при этом делая жилища более просторными, украшая изящными балкончиками, верандами, обильной резьбой по дереву. Для автомобилей ставят гаражи, а вместо деревянных ворот – прочные металлические, иногда автоматические. Раньше, в условиях неразделенной семьи, в одном доме проживало несколько поколений людей, семьи детей и внуков. Сейчас – семья в среднем из 4–6 чел. Стены комнат стали оклеивать обоями, потолок – потолочными покрытыми, полы красить масляными красками.

Интерьер домов

Русский крестьянин всегда умел четко организовать пространство. По одну сторону от двери находилась кирпичная или глинобитная печь, которая занимала значительную часть жилого пространства. В сознании крестьян она рассматривалась вместе с красным углом как «символ основных ценностей коллектива», как место проведения важнейших обрядовых действий, канал связи с иным миром[1]. К боку печи от дверей делали голбец, пристрой из досок с дверцей, за которым был ступенчатый спуск в подпол. Крышка служила лежанкой, с нее можно было легко залезть на печку; здесь хранили домашнюю утварь. Около топки печи были залавки, а над залавками – полки для кухонных принадлежностей. В южных районах их делали не всегда[2]. Полки из досок, которые располагались от печи до другой стены на расстоянии около полуметра от потолка, образовывали полати; зимой здесь спали. Пространство под полатями использовалось как место для занятия ремеслами: здесь женщины весной ткали, осенью и зимой пряли шерсть и лен; мужчины и старики плели лапти, вили веревки[3]. Для работы делался широкий настил в виде лавки-лежанки (коник); под ним также хранились вещи. Важное место занимал ткацкий станок, так как раньше хозяйка должна была полностью сама обеспечить семью одеждой из домотканых материалов, а хозяйство домашним текстилем. Со временем

[1] *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов СПб., 1993. С. 116.

[2] ПМА 2011 г. Информатор П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Куюргазинского района.

[3] *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 9.

все чаще стали покупать готовые изделия, и станки были вынесены из дома[1]. По периметру избы встраивали широкие лавки; на них не только сидели, но и спали. Если нужно было дополнительное место, к столу приставляли скамьи. На стенах выше уровня окон крепили полки для вещей.

К настоящему времени в некоторых домах Вознесенки сохранилась традиционная планировка и русская печь, перед которой, как и столетия назад, держат ухват, деревянную лопату для хлеба, кочергу и чугунок. Для сельских пенсионеров покупной хлеб дорогой, потому пекут сами, правда, закваску делают на покупных дрожжах, а не на хмелю, как раньше. На печи сушат варежки, валенки, другие незаменимые для вещи, рядом – дрова. Здесь же стоит газовая плита для приготовления повседневной пищи. Если печь поставлена слева от входа, справа расположен кухонный стол и самодельные старые резные шкафы с продуктами и посудой, и наоборот. Небольшое пространство между печью и столом ведет в горницу. Одна стена, являясь задней частью печи («спина»), драпируется цветной тканью. В связи с установкой газовых плит традиционные для крестьян печи большей частью разобраны, а вместе с ними и полати.

В 1860-х гг. даже немного зажиточный крестьянин считал своей обязанностью иметь самовар. К нему прилагалась фарфоровая чайная посуда. При столе также были: деревянные и каменные чашки, деревянные ложки кунгурской работы, вилки и ножи. Из Кунгура привозили также раскрашенные берестяные туеса (бураки), стеклянные кувшины и деревянные жбаны для кваса и пива[2]. Сейчас в Вознесенке, как и повсеместно, используют современную посуду промышленного производства.

В красном углу устраивали Божницу («Божничка»), состоящую из деревянной треугольной полки и четырехугольной рамы. В Божницу ставили образа и изображение святого семейства масляными красками, которое, «по народным поверьям, приносит счастье в дом»[3]. В некоторых домах ставили кивот. Современные Божницы украшены полотенцами, искусственными цветами, ветками вербы с

---

[1] *Бусыгин Е.П.* Указ. соч. С. 119.

[2] *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 27, 9.

[3] *Игнатьев Р.Г.* Рукопись Р.Г. Игнатьева по этнографии Оренбургской губернии // ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 85 об.

«Вербного воскресенья». Здесь же целый год хранят пасхальное яйцо (до следующей Пасхи). Затем это яйцо некоторые информаторы уносят на чердак к пасхальным яйцам прошлых лет: «при пожаре их надо бросать в огонь, всегда помогало»[1]. В некоторых домах ветки вербы встречаются в вазе среди комнатных цветов, а среди икон – ветки троицкой березы[2]. В современных многокамерных домах Божницы и иконостасы бывают в каждой комнате. Иконы могут находиться внутри серванта. На стены в рамках под стеклом вешают вышитые искусными хозяйками иконы[3].

Под Божницей, по диагонали от печи, раньше ставили обеденный стол. Если крестьянский дом считали символом единства всего рода, то именно за столом не только совершали общесемейные трапезы, но и решали важные семейные и общинные вопросы; проводили этапы календарных и семейных обрядов. Красный угол служил «начальной и конечной точкой перемещения человека во всех обрядах жизненного цикла», местом изменения его статуса от рождения до смерти[4]. Под иконами во время свадьбы сажали новобрачных, а на праздники – самых уважаемых гостей.

Расположение стола сейчас варьируется, но чаще – у стены напротив входной двери. Сверху он накрывается клеенкой или скатертью, иногда вязанной крючком из белых нитей. Некоторые хозяйки к фабричным скатертям пришивают кружева собственного плетения, и они обретают вид «под старину». Ранее прикрепленные к стенам широкие лавки подрезаны и стали мобильными (скамьями). Печи-голландки часто не функционируют, но создают торжественность и помпезность. У рукомойника можно встретить домотканые полотенца. На окрашенных фабричной краской полах (иногда – охрой) расстелены домотканые дорожки, на стульях и креслах – «кружки» (лоскутная техника и аппликация). Из покупной мебели – столы, стулья, кровати, серванты, диваны и кресла.

---

[1] ПМА 2011 г. Информатор Н.Е. Мельникова (1030 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[2] ПМА 2011 г. Дом Г.Г. Чулковой (1959 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[3] ПМА 2009 г. Дом Н.И. Игишевой (1936 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[4] *Байбурин А.К.* Указ. соч. С. 110, 50.

Большую часть мебели делал сам хозяин дома; что-то заказывали местному мастеру, либо покупали на базаре или ярмарке. Горничная мебель состояла из столов, стульев и скамеек, с неизбежным раскрашенным шкафом для чайной посуды. В некоторых домах он до сих пор сохранился, но в большинстве случаев перенесен в сени. Важное место ныне продолжают занимать железные многоцветные сундуки с ручками. Местами для сна были кровати с перинами и подушками, печь (для стариков) и пол (для молодых и детей). Использовались самодельная войлочная подстилка, лоскутные одеяла и тулупы. Подушки и перины делали из пуха домашней птицы или травы. В теплое время года самый крепкий и сладкий сон был на сеновале. Над кроватью вешали колыбель («зыбка», «люлька»), в некоторых семьях она до сих пор используется, уже для четвертого-пятого поколения[1]. С 1960-х гг. колыбель многие стали крепить на металлическую пружину.

В домах много тканых и вышитых предметов, созданных несколькими поколениями хозяев. Это обойка (подзор) для кровати, салфетки, накидки на комод, полотенца, скатерти, дорожки. В доме Нины Ивановны Игишевой (1936 г.р.) некоторые предметы ранее принадлежали её маме Селяниной Марии Устиновне (1909–1999) и бабушке Пупышевой Дарье Дмитриевне (1890?–1990). Они вплоть до 1990-х гг. ткали паласы, полотенца, скатерти. Мария Устиновна вязала шали до 80-ти лет. По словам Н.И. Игишевой, в приданое девушки раньше входило: около 15 полотенец, 4–6 скатертей, шторы, половики, «кружки» (круглые половики). Девочки начинали вязать примерно с 15 лет, вышивать – чуть позднее, с маленького возраста помогали матерям в процессе тканья. Когда «пучеглазники» (сваты) приходили на смотрины девушки, все эти предметы развешивали, демонстрируя мастерство невесты. Увлечением Нины Ивановны последних лет является вышивка икон и картин.

Домашний текстиль ручной работы с традицинной вышивкой и кружевом сглаживает технократические обретения в интерьере домов последнего времени. Уют создают ковры на стенах, домотканные паласы и дорожки, вышитые салфетки на этажерках и комодах. Они сохранились, потому что все, к чему прикоснулась

[1] ПМА 2011 г. Информатор Н.С. Тихомирова (1927 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

рука русского крестьянина, сделано с любовью и на века, и не может конкурировать с фабричными изделиями. Количество таких предметов в ряде случаев увеличивается с приходом на авансцену стиля «этно».

Александра Федотовна Булатова (1939 г.р.) бережно хранит тканые полотенца своей бабушки и матери изо льна и конопли. На ею вышитых полотенцах, настенных панно, салфетках и думках изображены цветы, птицы, сюжетные сценки с участием детей, натюрморты, не обошлось без Ленина и Московского Кремля. Сейчас она вяжет кофты, жилетки, ныне модные шали с кистями, пончо, накидки на кресла. В доме много «кружков», они связаны крючком или выполнены путем аппликации.

Дом Галины Павловны Михайловой (1946 г.р.) украшен вышитыми коврами. В качестве основы бралось старое одеяло, а в качестве ниток – распущенные старые трикотажные изделия. Таким образом старые вещи получили новую жизнь. Один ковер висит над кроватью, другой положен на диван. Красные цветы на темном фоне создают яркое впечатление и восторг. Вышиванием занималась ее мама Мария Федотовна Пестерева.

Нина Сергеевна Сафонова (1935 г.р.) наполнила рукоделием весь дом. Это не только «кружки», салфетки, обойка, полотенца, но и вязаные розы в вазе, лебеди, грибочки в композиции и пр.

Фотографии родственников, вставленные в общие или отдельные рамки на стенах домов, обычны для жителей Вознесенки. Фотографии хранятся также в альбомах вместе с грамотами хозяев – передовиков производства, заслуженных колхозников и участников художественной самодеятельности. Все наши информаторы оказались таковыми.

Обязательной частью интерьера домов жителей Вознесенки являются комнатные цветы. Они стоят в изобилии и разнообразии в больших горшках на полу, напоминая зимний сад, украшают стены, подоконники, серванты, шкафы и столы.

Хозяйственная деятельность

Хозяйственная деятельность населения села Вознесенка носила комплексный характер. С момента заселения башкирского края ос-

новным занятием было земледелие (трехполье), обусловленное богатыми черноземными почвами. Значительное место уделялось скотоводству, пчеловодству, охоте, рыболовству, собирательству, ремеслам и промыслам. В 1897 г. в селе имелись мельницы, маслобойка, торговые лавки, принадлежащие отдельным домохозяевам[1]. Были кузнецы, плотники, печники, гончары, бондари. Женщины и девушки обрабатывали лён и коноплю, пряли пряжу и ткали холсты. Невеста та считалась богатой, у которой было больше холстов. Холсты практически не продавались, пожилые женщины их берегли в коробках «на помин души»[2].

В прессе середины XIX в. читаем, что в районе «по роду занятий крестьяне – земледельцы. Запашки озимого и ярового хлеба большие: иные крестьяне засевают по 100 и более переездов (переезд – 2/3 десятины или 1600 кв. сажен). Землю обрабатывают и свою, и кортомленную у башкир <…>. Скотоводство при больших запашках у крестьян немалое: лошадей держат по нескольку десятков <…>, используют не только для полевых работ, но и для извоза в зимнее время. Ездят с купеческим азиатским товаром из г. Троицка Оренбургской губернии в г. Казань; оттуда с панским товаром на Мензелинскую ярмарку, в Ирбит, Тюмень и далее». Коровы здесь «мелкой башкирской породы и маломолочные», их. держат до 50 голов. Овец в хозяйствах насчитывается до 30; свиней – мало. Промыслом крестьянина является также водяная мельница. Развивается гончарное производство: «глиняные горшки и корчаги выделываются и продаются на местных базарах, а иногда отправляются в Челябинский, Троицкий и Верхнеуральский уезды Оренбургской губернии». Имели место бортничество и пчеловодство, рыболовство и собирательство[3].

К началу XX в. в селе сложились условия для полноценного развития разнообразных хозяйственных занятий, ремесел и промыслов. В 1874 г. были оформлены постоянные договорные отношения с местным населением, согласно которым русские брали в

[1] Сборник статистических сведений. С. 59.
[2] *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 28.
[3] Там же. С. 10–11, 26.

краткосрочную аренду пашню (за 1 руб. дес.) и покосы (1–2 руб.) у башкир Дуван-Мечетлинской и Больше-Кущинской волостей[1].

В XX в. социльные катастрофы в виде войн, раскрестьянивания, раскулачивания, репрессий не только приостановили развитие народной экономики, но и отбросили далеко назад. Благодаря огромному труду и жизненному оптимизму вознесенцы выстояли тяжелые времена, и в настоящее время их хозяйства процветают, развивается фермерство.

Земледелие. В период расселения на башкирских землях хозяйственная деятельность вознесенцев определялась природно-географическими и климатическими условиями: с «острогов Уральского хребта <…> начинается полоса ячменя; с этой местности и далее к Златоусту сеют ярицу (яровую рожь). Ранняя зима и поздняя весна отражаются на хлебопашестве и огородничестве дуванцев. Случается, что мороз бывает и в Ильин день: в иное лето позяблет пшеница; просо и греча не засеваются, потому, что не доспевают: огурцы родятся плохо <…>; арбузы и дыни не родятся. О разведении плодовых деревьев: садовых вишен, яблонь и проч. нечего и думать при суровом климате»[2].

Обычно после 20 апреля осуществлялась вспашка земли под овес, 24 апреля – высев овса, к 20 мая заканчивался сев овса, ржи, пшеницы, ячменя, картофеля. Рожь поспевала к Ильину дню (20 июля), пшеница и ячмень – к 1 августа, овес – к 15 августа, картофель – к 20 августа. Хорошие урожаи обеспечивала плодородная земля, которая каждый год подкармливалась навозом (на десятину до 300 возов)[3].

По материалам Н.А. Киряковой, при земледельческих работах местные крестьяне придерживались не столько конкретных дат, сколько предписаний народного календаря: «Береза станет распускаться – сей овес, зацвели яблони – пора сеять просо». Говорили: «Сей овес в грязь, будешь князь». Перед началом сева крестьяне мылись в бане, «чтобы хлеб уродился чистый, без сорняков». Сеяли в тихий безветренный день, и только отборное зерно: «Лучше голодай, а добрым семенем засевай». Сеятель забирал из лукошка при-

[1] Там же. С. 61.
[2] Там же. С. 7.
[3] Сборник статистических сведений. С. 59.

горшню зерна и через каждые два шага размеренным движением руки разбрасывал его веером налево и направо[1].

На покос выходили ранним утром, пока не сошла роса: «сухую траву коса не любит». Говорили также: «Коси коса, пока роса». Пока трава сохла, несколько раз переворачивали граблями, затем сметали в стога. При первой возможности сено перевозили домой на сеновал[2].

Поспевший хлеб убирали семьями от зари до заката. Жали серпом. Связанные снопы вывозили на гумно. В овинах хлеб сушили. Подсушенные колосья на току вручную обмолачивали цепом. (Цеп имеется в Вознесенском краеведческом музее.) Оставшуюся солому впоследствии использовали для крыш домов и хозяйственных построек, в качестве добавки к корму скоту, для их подстилки для чистоты и тепла. Обмолоченное зерно веяли на ветру, очищая от мусора, подбрасывали лопатой.

Использовали сельскохозяйственную технику. В конце XIX в. в Мусихинском выселке имелось до 30 молотилок, машины с американским приводом (топчаком) местного изготовления, практически в каждом дворе – веялки. Обмолот хлеба осуществляли на 7-ми водяных мельницах, построенных на 7-ми прудах. Пруды именовались по фамилиям владельцев: Бунаковский, Хариновский, Водолеевский, Малиновский, Усолкинский, Кадешниковский, Кузнецовский[3].

В конце XIX в. культивировали рожь, овес и пшеницу. Пользовались сабаном кунгурской системы местного изготовления и деревянными боронами с железными зубьями. В Подворной переписи 1914 г. пшеница указывается как главная зерновая культура (1677 дес.); кроме нее выращивали рожь, овес, просо, полбу, ячмень, как на собственное потребление, так и на продажу на базаре в с. Дуван и на пристани в с. Метели.

К 1920-м гг. многие вознесенцы имели крепкие хозяйства. Как писал А.Г. Фефелов, у А.А. Сысолятина было 20 дес. земли, 17 лошадей, 50 овец, 12 коров. У А.С. Тутынина – 75 дес. земли, 10 ло-

[1] *Киярякова Н.А.* Трудовая деятельность крестьянства. Рукопись. Вознесенка, 2012. С. 3.

[2] Там же.

[3] Там же.

шадей, 15 коров, 40 овец. Некоторые имели по несколько домов, арендовали покосы до 120 дес. у башкир Мечетлинской волости. Они и другие труженики в первую очередь пострадали в ходе раскулачивания. В 1930 г. были расстреляны Волков Петр Евграфович, Петухов Василий Тимофеевич, Сапаев Иван Федорович, Пестерев Андрей Васильевич, Водолеев Федор Филиппович. В Черношарке, относившейся к Вознесенскому сельсовету, ликвидировали хозяйство Петра Селянина, который имел 100 дес. земли, 12 лошадей. Целую неделю из его амбаров перевозили хлеб в колхозный двор. Некоторых «кулаков» выселили в Сибирь, в спецпоселки под Уфу и Кульваряш. В 1930-х гг. в селе было раскулачено 42 хозяйства, осуждено 32 чел., включая 10 единоличников, 20 колхозников и 2 священника[1].

Вознесенцы пострадали и в результате принятия в 1932 г. Закона, названного народом о «трех колосках». Козелов Андрей Сергеевич, работавший председателем колхоза им. Ленина, был репрессирован лишь за то, что разрешил колхозницам взять остатки от провеянного зерна, чтобы накормить голодных детей. После пересмотра дела, спустя семь месяцев после ареста, он вернулся домой, но еле мог поднялся по ступенькам в дом. Мать Орлова Николая Сергеевича осудили за то, что на уже убранном поле насобирала мерзлой картошки, чтобы спасти детей от голода[2].

Новым тяжелым испытанием для женщин и подростков стали годы Великой Отечественной войны, когда мужчины воевали на фронте, туда же были отправлены машины и лучшие лошади. По исследованиям Н.А. Киряковой[3], в это время труд вновь стал ручным: хлеб сеяли руками, выжинали серпом (некоторые женщины по 15-20 соток за смену), молотили барабаном, приводя его в действие лошадьми. Подростки трясли солому. Зерно в основном возили на коровах и быках. (В Музее археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН имеются хомуты для них.) Сушили на складе, пропускали через ручные веялки и ветрогоны. В качестве сушилки для зерна

---

[1] *Фефелов А.Г.* Раскулачивание в Вознесенке // Репрессии на северо-востоке Башкирии в 30-50е годы XX века. Месягутово, 2007. С.63-84.

[2] *Киярякова Н.А.* Вознесенка в годы Великой Отечественной войны. Рукопись. С.7.

[3] Там же.

использовали каменное двухэтажное строение. По мосту на верхний этаж здания на лошадях в бричках завозили и ссыпали хлеб, через отверстие в полу сгребали на первый этаж, пол и потолок которого внутри были выстланы листовым железом. Под полом находились печи, которые топились метровыми поленьями. Засыпанное зерно постоянно ворошили, чтобы сохло равномерно, потом выталкивали в окно. Ноги жгло, дышать было нечем. Женщины работали иногда сутками. Много лет в такой сушильне работали Мехоношина Мария и Константинова Татьяна, Цепилова Зоя Федоровна и Тюрина Мария Федоровна, другие вознесенские женщины. Хлеб почти весь сдавали государству, возили на ближайшую железнодорожную станцию Сулея. Некоторые поля находились за много километров, и чтобы добраться до них, вставали в три-четыре часа утра, шли пешком, работали под палящим солнцем и в непогоду, возвращались поздно к маленьким детям, готовили ужин. Ночью косили для своей коровы (отдельных покосов не давали), а утром следующего дня вновь шли на работу.

Женщины заменили ушедших на фронт мужчин, пересев на тракторы, в то время колесные, без кабины. Н.А. Кирякова указала, что на тракторах работали: Шестакова Татьяна Михайловна, Горкунова Евдокия Ильинична, Рящикова Анна Ивановна и многие другие вознесенские женщины. Бригадиром тракторного отряда была Малинина Евдокия, а учетчиком Горкунова Федосья Петровна. Такие тракторы с трудом приходили в действие: один человек заводил ручной рукояткой, а два других дергали седельником то в одну, то в другую сторону. Техника часто ломалась. Тракторы работали на газоли (смеси солярки с керосином), которая плохо возгоралась, особенно в зимнее время. Часто случались пожары, так как трактора заводили от лучины. Осенью, если погода стояла плохая, а трактора буксовали, впрягали лошадей или толкали сами[1].

В настоящее время в селе используется современная техника, сушильные аппараты, комбайны и пр. В личном пользовании имеются легковые, грузовые автомобили, мини-тракторы и другие средства.

Кроме землепашества, в Вознесенке с давних времен активно развивалось ***огородничество***. По данным переписи 1914 г., более

[1] Там же. С. 6.

половины хозяйств в Вознесенке имели от 10 до 40 дес. земли, некоторые семьи – от 60 соток до 1 га земли. При этом примерно 15 соток отводилось под картофель, 15–20 под коноплю, на остальных выращивали огурцы, капусту, свеклу, морковь, репу[1].

В XX в., после запрета сажать коноплю, изменился традиционный для жителей Вознесенки севооборот картофель – конопля, одновременно ухудшилась урожайность, увеличилось количество сорняка и вредных насекомых. Большие участки помогли выжить людям и сохранить скот в тяжелые военные и послевоенные годы. Вскапавали вречную, много места уделяя картофелю.

Сейчас часть земли используют для выгула домашнего скота (козы, телята) и под покос. Фруктовые деревья стали выращивать в огородах в конце 1950-х гг. по инициативе и при участии местных агрономов[2]. Современные огороды изобилуют разнообразием выращиваемых культур.

Животноводство у воскресенцев всегда занимало важное место. В первые десятилетия XX в. в селе в значительных количествах разводили лошадей, крупнорогатый скот, овец, а также коз и свиней. На 687 жителей села приходилось 955 лошадей, 807 коров, 2155 овец. Для выгона использовали 680 дес. земли, в том числе низменных и ровных – 500 дес., с кустарником – 180 дес.[3]

Русские животноводы использовали опыт башкир. Уроженец Вознесенки В.А. Зырянов (1936–2011), фермер, занимавшийся разведением лошадей, считал непревзойденными умения башкир понимать «язык» лошадей, предугадывать изменение погодных условий, чтобы перегнать скот на новое место, таланту выращивать сильных и выносливых животных, подбирать им корм согласно времени года, поддерживать упитанность лошадей на скудных кормах. Он отмечал, что «от башкир русские Дуванского района научились приемам скотоводства, переняли технологию изготовления седел и удил, способов украшения башкирскими орнаментами. По искусству плетения конской сбруи (нагайка, кнут, шлея) башки-

[1] ПМА 2009, 2011 г.

[2] ПМА 2011 г. Информатор Н.Е. Мельникова (1930 г.р.), с. Тастуба Дуванского района РБ.

[3] *Киярякова Н.А.* Трудовая деятельность крестьянства. Рукопись. Вознесенка, 2012. С. 5.

ры всегда превосходили русских мастеров; башкирские кустари были востребованы в русских селах, где выполняли частные заказы»[1].

Однако, несомненно, опыт скотоводства был накоплен предками вознесенцев еще в местах прежнего расселения – в Пермской губернии, где особое место занимала лошадь. По опросам Н.А. Киряковой[2], старожилы села, выбирая между лошадью и коровой, отдавали предпочтение лошади – главной работнице, которая распахивала и бороновала поле, привозила во двор сено, зерно в амбар, выполняла другие работы. Село Вознесенка стало одним из поставщиков для армии во время Великой Отечественной войны – 177 лошадей, 9 из которых высшего класса. Перед отправкой лошадей мыли, чистили, расчесывали гриву. 14-летний Семен Рящиков в гриву своей лошади вплел маленькую дощечку, на которой написал кличку жеребца, колхоз и фамилию. По материалам прессы и рассказам сельчан, его лошадь попала к самому С. Буденному и верно прослужила, а прежний хозяин получил благодарственное письмо[3].

Корова как основная кормилица обеспечивала семью молоком, творогом, сметаной, маслом. Из шкур овец шили тулупы, шапки, рукавицы, из шерсти катали валенки, вязали носки и варежки. Держали птиц. В прошлом молоко, шерсть, яйца сдавали государству: с хозяйства – 10 кг масла, 100 шт. яиц, 3 кг шерсти, 360 л молока. Кроме этого, платили земельный подоходный налог и государственный заем[4].

В настоящее время в подсобных хозяйствах вознесенские жители содержат мясомолочных коров, коз, овец. Количество скота сокращается с каждым годом, и часто родственники, живущие в разных домах, держат одну корову. Вместо коровы заводят козу, которую легче содержать. В домашних хозяйствах есть куры, гуси, утки.

В Вознесенке давние традиции имеет ***охота.*** Валентин Андреевич Зырянов восхищался ловкостью, умом и скоростью медведей, он наблюдал более чем за 100 медведями, убил 11. Полезное их мясо («вкуснее в жареном виде») и желчь («В Японии за желчь четы-

[1] ПМА 2009 г. С. Вознесенка Дуванского района РБ.

[2] *Кирякова Н.А.* Трудовая деятельность крестьянства.

[3] *Она же.* Вознесенка в годы Великой Отечественной войны. С. 4.

[4] Там же. С. 3.

рех медведей новую Тойоту дают»). Магическими и лечебными свойствами обладают когти. В.А. Зырянов утверждал, что охотники здесь отстреливают только тех медведей, которые повадились не только кормиться медом на пасеках, но и разрушают ульи, поставленные в лесу. Они только отпугивают волков, многочисленных в последние годы, повадившихся душить скот в сараях. Пневматические ружья готовы для отстрела ястребов, повадившихся кормиться цыплятами. Местные охотники при обработке шкур диких и домашних животных используют знания, полученные из журналов и из интернета.

Вознесенцы с давних времен занимаются также ***пчеловодством.*** В Тастубинской волости в 1914 г. было 15 хозяйств пчеловодов, 119 ульев содержали жители Вознесенки[1]. О значительном месте пчеловодства в жизни местных русских крестьян XIX в. свидетельствует очерк М.А. Круковского, в котором описано, что при встрече уральца с башкиром после первого приветствия принято интересоваться состоянием пчел, а лишь затем семьи, лошадей и т.д.[2]

Наличие рек и озер недалеко от селения обуславливало ***рыболовство,*** что отразилось на системе питания. У В.С. Касимовского читаем: «Большею же частию подается на стол, притом почти исключительно в пирогах местная рыба: кутема (харьгуз), которую ловят в Юрюзани и Уфе, окунь, подуз, шеклея (бакля), пискозоб (пискарь) <...>. В праздник постный и скоромный, не исключая Св. Пасхи и Рождества Христова, печется пирог из соленого судака с выставленными наружу хвостом. Является гость – на стол самовар и пирог». Пирог «печется из пшеничного теста, но нижняя корка делается из ржаного теста, которая называется остожьем»[3]. Рыбные пироги были и остаются обязательным атрибутом праздничного стола. Их и сейчас готовят хвостом наружу как в домашних условиях, так и местном кафе.

В ходе экспедиционных исследований мы встречались с рыбаками, которые традиционно рассказывали о необычайных размерах и количествах улова. Рыбакам не уступали «бывальщинки» охотни-

[1] Там же.
[2] *Круковский М.А.* Указ. соч. С. 143.
[3] Там же. С. 9, 15.

ков о забавных, иногда страшных и опасных для жизни случаях в лесу.

Сбор ягод и грибов разнообразил питание и обогащал витаминами. Раньше в Вознесенке одна семья на зиму готовила большой мешок сушеной черемухи, столько же лесной земляники, перед приготовлением пирогов вымачивая в печи. Лесные ягоды также добавляли в мед, и в таком виде они могли храниться очень долго[1]. В местных лесах растет черника, голубика, малина, клубника, костяника[2]. Сейчас ягоды замораживают в морозильниках, делают компоты и варенья.

Помимо ягод, в дуванских лесах, при обилии туманов, всегда было много грибов: груздей, рыжиков, волменок. обабков, маслят, белянок. Грузди и белянки солили, синявки, опенки, обабки варили, делали похлебку, которая называлась губницей, так как грибы называли губами[3]. Вознесенцы грибы раньше в основном сушили, сейчас консервируют.

В больших количествах раньше сушили морковь и использовали для приготовления выпечки и отдельно как сладости. Огурцы и капусту хранили в погребах в дубовых бочках, добавляя соль, хрен и листья дуба. В голодные и военные годы помогали выжить огород и дикорастущие растения. Ели траву, корни, липовую кору, лебеду («второй хлеб»), крапиву, дикий лук и чеснок, листья дикой моркови, «сладкие дудки», «аннушки» (фиалка трехцветная). Пекли лепешки из крапивы и желудей. Чистили подсолнечные дудки, варили и ели.

Лесозаготовка стала главным занятием многих женщин и подростков в годы войны. Вознеценцы работали в Юрюзанском леспромхозе и в с. Метели. План был немалый. Как пишет Н.А. Кирякова[4] со слов Горкуновой Татьяны Степановны (1925 г.р.), техники не было. Вручную пилили и скатывали бревна, на лошадях подвозили к реке, часто волокли на себе. Весной лес сплавляли по реке. Летом добывали жвицу, из неё гнали канифоль – отправляли на во-

---

[1] ПМА 2011 г. Информатор Горкунов Михаил Павлович (1939 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[2] *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 8.

[3] Там же. С. 27.

[4] *Кирякова Н.А.* Вознесенка в годы Великой Отечественной войны. С. 6.

енные заводы, и скипидар для госпиталей. Из пихтовой лапки гнали пихтовое масло, также для госпиталей. Зимой рубили лес, отправляли на военные заводы для изготовления ружей. Из березы делали лыжи. Дрова шли и на отопление. Среди других Ростовцев Евгений Петрович (1930 г.р.) со своими товарищами пилил лес, чурбашки 15х10, сушил их, колол, вываливал в бункер и отправлял в Сулею. В детстве на лесозаготовках работал Крылосов Александр Васильевич (1929 г.р.) и другие вознесенцы.

Лесозаготовка стала основным занятием репрессированных: «Придут утром, ткнут пальцем в тело. Если место посинеет, значит, этот человек сегодня умрет, его уже не гонят на тяжелые работы. А если побелеет, то еще может работать неделю»[1].

Во время Великой Отечественной войны вознесенцы трудились не только на полях, лесозаготовках, но и на заводском производстве, например, Цепилова Анна Михайловна (1928 г.р.) на Челябинском тракторном заводе.

Ремесла и промыслы. В условиях крестьянской общины подготовка сырья, изготовление домашнего текстиля, одежды, обуви, посуды, бытовой утвари осуществлялись во всем разнообразии. В Тастубинской волости в 1914 г. было 2 бондаря, 11 смолодегтярей, 28 кузнецов, 12 слесарей, 3 выдельщика кирпича, 6 валяльщиков, 48 мукомолов, 2 мясника, 14 портных и швей, 18 сапожников, 46 плотников, 2 маляра, 67 торговцев и 5 барышников, занимающихся скупкой-продажей.

В Вознесенке известным бондарным мастером был Дмитрий Владимирович Кобяков (рубеж XIX и XX вв.), он делал кадушки, ведра, коромысла. Арсений Алексеевич Шестаков (1876–1966) изготавливал сани, санки, детскую посуду (для игры «в клетку», или «в домик»), клал печи. Федор Романович Серебренников (1940 г.р.) в селе делает улья и инструменты для пчеловодства, занимается резьбой по дереву, придумывая всё новые узоры, порой навеянные башкирскими мотивами. До сих пор Виталий Васильевич Горкунов (1930 г.р.) плетет и продает лапти; их одевают односельчане во время сенокоса: «ноги не потеют и не устают». Свои товары ремесленники реализовывали в лавках, на ярмарках и базарах. Например, в

[1] Там же.

селе Дуван большим спросом у русских, башкир и татар пользовались изделия из керамики А.А. Шестакова[1].

В каждом доме производилось изготовление одежды. Н.И. Игишева рассказала, что в селе раньше носили валенки красного цвета, туфли «беретки» типа сандалей на каблучке, мужчины – сапоги, женщины – черные ботинки на шнурке по центру спереди и на скошенном каблучке. Женскими украшениями служили покупные бусы. Мама Нины Ивановны из серебряных 20-копеечных монет раньше делала колечки на пальцы. Для Музея археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН она передала передник (фартук), изготовленный её бабушкой в 1880-х гг. из шерстяных ниток «гарус».

В годы войны для фронта шили полушубки, вязали носки, варежки. Катали валенки и вкладывали в них записки «Самому храброму бойцу». В свободное время зимой собирались женщины у кого-нибудь в доме и под пение песен ткали мешки и полога для колхоза. Такие посиделки назывались «красные пряхи». Заводилами были Цепилова Нина Ивановна и Пастухова Федосья Степановна[2]. Жители Вознесенки всегда отличались находчивостью, практичностью, оптимизмом и огромным трудолюбием.

Праздники и обряды

Жизнь Вознесенки состояла не только из трудовых будней. Обычно пустынные улицы в будни, в праздничные наполнялись смехом, радостью, звуками гармоники и балалайки, песнями и частушками. В теплое время года молодежь чинно, небольшими группами, ходила по деревне. Девушки демонстрировали свои наряды, а парни – искусство острословия и веселый характер. Старшее поколение на скамейках обсуждала последние новости и нравы молодежи. В холодное время года и молодые, и немолодые, ходили друг к другу в гости, устраивали «посиделки» и «беседы», на которых завязывались и развязывались сердечные увлечения, сказывались сказки и предания из старых семейных хроник.

---

[1] ПМА 2011 г.

[2] *Кирякова Н.А.* Вознесенка в годы Великой Отечественной войны.

На «лапотных» посиделках мужчины не обязательно плели лапти, но и занимались изготовлением сбруй для лошадей, кожаной и валяной обуви, резьбой по дереву, плетением корзин. Совместная работа сопровождалась обсуждением важных социальных и политических вопросов. Звучали рассказы бывалых людей, «серьезные» песни и частушки, но не обходилось и без юмора. Лучшим временем «лапотных» посиделок были три недели после «Андрея» (30 ноября), когда «созревало лыко», а вечера становились долгими и свободными от других работ[1].

На «супрядки» женщины и девушки приходили в красивых одеждах с прялицей или шитьем. Хозяйка готовила большое количество кушаний. Вечер, посвященный обработке льна, сопровождался исполнением игровых песен, имитируя процесс сеяния льна. На девичьи «чулочные» посиделки приходили парни, в их адрес звучали величальные песни, за что девушки брали денежное вознаграждение. Каждый парень садился возле нравившейся ему девушки, для виду помогал работать – держал готовые мотки пряжи, закреплял кудель на прялке. Без песен не обходилось на «капустиных вечерах» – посиделках девушек и женщин с рублением и солением капусты. Они были посвящены заготовке капусты – одного из основных продуктов русских крестьян.

Весёлым времяпровождением после трудового дня были вечёрки. Они проводились зимой дома, а летом на улице – «на лавке» (уличные вечерки). До полночи пели, под балалайку или гармонь танцевали Краковяк и другие модные для своего времени танцы. Звучала Сербиянка, Барыня, Цыганочка.

После окончания изнурительных полевых работ и до начала сезона землепашества, то есть осенью и зимой, было много праздников. Престольные праздники проводились сообща несколькими селениями. В с. Вознесенка основным праздником было Вознесенье Господне. В этот день сюда приходили гости из других соседних селений, балалаечники и гармонисты. Праздником с. Тастуба была Троица, с. Сальевка – Егорьев день, с. Дуван – Петров день.

В Вознесенке, как и других соседних русских селениях, весело проходил новогодне-рождественский период. Обычай славить Христа группой славильщиков заключался в том, что парни, девушки и

[1] *Лазарев А.И.* Указ. соч. С. 40.

дети, либо только дети ходили по домам, славили Рождество Христово и хозяев. Славильщиков угощали «каравашками»[1], пирожками, орехами, пряниками, конфетами, семечками, иногда давали копеечку. Н.С. Сафонова вспоминает, что она вместе с другими детьми накануне праздника учила слова поздравления «Рождество Твое Божье». «Рано утром, пока ещё темно, делимся: те идут в тот конец, мы – в другой. Потом меняемся. Забегаем в дом по одному, по двое, стоим под порогом, поём. За это нам давали пирожки, семечки, а кто копеечку. Моя бабушка с вечера стряпала пирожки: "Ведь завтра ребятишки прибегут!". Одна тётка не пускала, скупая была, так мы: "Так чтоб ей сгореть! Так чтоб ей пропасть!" – кричим на неё. Но в основном пускали»[2].

По случаю праздника готовили блюда из мяса, разнообразную выпечку и сладости. Запекали в печи гуся с картофелем. Информаторы вспоминают «каравашки», ватрушки, рыбные пироги (в с. Вознесенка – обязательное блюдо), а также грибные и иные, студень с хреном, из напитков – медовуху, пиво, квас, кисель. Накануне праздников сушили семечки[3].

В сёлах Тастуба и Вознесенка на Рождественский сочельник обязательно пекли сочень – мучное хрустящее блюдо. Тесто тонко раскатывали на противень, а сверху посыпали конопляные семечки. При перекладывании в тарелку оно ломалось на кусочки, которыми было принято угощать[4]. Н.С. Сафонова рассказывает: «Бабушка как-то испекла сочень. Говорит: «Нинка, ну-ка давай, беги на улицу. На-а сочень». Бежишь, смотришь, кто первый попадется. Мне соба-

[1] В Московской Руси сдобные караваи преподносились на Рождество царице боярынями. В Дуванском районе «каравашки» пекут в специальной форме и сейчас. Они упоминаются в вышеназванном очерке В.С. Касимовского 1868 г.

[2] ПМА 2011 г. Информатор Н.С. Сафонова (1935 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[3] ПМА 2011 г. Информатор М.П. Горкунов (1939 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[4] ПМА 2011 г. Информатор Н.Е. Мельникова (1930 г.р.), с. Тастуба Дуванского района.

ка попалась, значит, муж злой будет. Сочень собаке не дала – стало жалко, сама съела. Жизнь я прожила с такой собакой»[1].

В период Святок, от Рождества Христова до Крещения Господня, по селу ходили шумные и неутомимые ряженые, дурачась и веселя всех людей, парни организовывали вечёрки с играми, танцами и песнями, девушки гадали. Ряженых в Вознесенке (а также Тастубе и Метелях) называли «горбушки» (от «горбунцы»). Иногда они наряжались горбунами, но чаще – «кем придется». Группа переодетой молодежи, детей и подростков вечером ходила по домам с гармонистом, пела песни и частушки, танцевала. Не обходилось без «цыганки», которая «много болтала», гадала о будущем. К походам ряженых пожилые односельчане относились не очень одобрительно: маски, костюмы, пляски противоречат религиозным канонам. Тем не менее, ряженых принимали, хозяева их угощали брагой, медовухой, самогоном, давали деньги, сладости, пироги. Нина Сергеевна Сафонова свои длинные волосы крепила на лице как бороду, мазала лицо красной краской, «напяливала» широкие дедушкины штаны и рубаху, подвешивала старый мешок, отчего пугались даже соседи. Впечатление усиливало отбивание плясового ритма ножом на медном тазу, с которым ходила младшая сестра Люба, одетая в лохмотья[2].

Гадания на Святки проходили ночью в обстановке таинственности. Девушки крали дрова, приносили домой, считали количество сучков на поленьях: столько же детей у них будет. Бросали валенок и смотрели, куда он покажет – туда замуж девушка пойдет. За воротами дожидались проходящих мужчин, узнавали его имя, а значит, имя будущего мужа[3].

Ёлку ставили в одном из частных домов по инициативе и при участии подростков. Н.С. Сафонова (1935 г.р.), уроженка д. Ивушкино Дуванского района, рассказала следующее: «Мне было лет 13–14. С девочками с согласия родителей решили ёлку поставить в доме моей подружки Любы Мошкиной – через дорогу от нас её дом был, больше чем у нас. До этого «Октябрьскую» праздновали в

[1] ПМА 2011 г. Информатор Н.С. Сафонова (1935 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[2] Информатор тот же.

[3] Информатор тот же.

нашем доме. На колхозной лошади поехали в лес, выбрали самое красивое и пышное дерево, срубили, привязали к телеге. Ёлка оказалась тяжелая, лошадь тащить не может. Отрубили немного. Опять не двигается с места. Ещё раз спилили, привезли. Не вмещается в дом. Мы же дети были, бестолковые. Снова укоротили, наконец, поставили». Елку украшали сами, дети и подростки. Для этого делали бусы из ржаной соломы, нарезанной полосками 3–4 см и нанизанной на нитку, разбавленной бумажными кубиками; от света солома блестела и выглядела очень красиво. Игрушки были из бумаги, кто что умеет – лодочки, гармошки, грибочки. Из красной бумаги водружали звезду. (Покупные, в то время ватные игрушки вешали только на школьную ёлку.) Девочки самостоятельно готовили развлекательную программу с песнями, танцами и играми, рядились в Деда Мороза и Снегурочку, раскрасив щёки краской от красной бумаги, которую приносила соседка на радость детям. «У старушек соберем длинные широкие юбки, бабушкины платки, нарядимся. Созовем всех. Гости вдоль стены на скамейках и лавках сидят, смотрят на нас, а мы прыгаем вокруг ёлки, поём, танцуем, разыгрываем сценки. Устраиваем пляски-тряски, игры. Смотрят ведь! Такого не было – кто богатый, а кто бедный. Дружно жили. Вся деревня собиралась. Все довольны были». После того, как зрители разойдутся, девочки-артистки пекли пирожки с сахарной свеклой – хотелось чего-нибудь сладкого, мёд был не у всех. Каждая приносила по стакану муки[1], вместе месили тесто и натирали на терке свеклу. Угощались. Ёлка стояла до старого Нового года[2].

В Вознесенке на Крещение сейчас, как и раньше, ходят на святой источник, который никогда не замерзает, и купаются в нем, несмотря на холод (часто 30–40° мороза), согреваясь затем у рядом разожженного костра. Даже татарская семья Васимовых вместе с русскими ежегодно к 12 часам ночи ходит за святой водой, набирает целую флягу и пьет эту воду в течение года в лечебных целях.

На Масленицу было катанье по улицам на лошадях и на салазках с горы, причем катались парень с девушкой, молодушки (вы-

[1] Мотив собирания в обрядовой культуре описал А.К. Байбурин в указанном сочинении.

[2] ПМА 2011 г. Информатор Н.С. Сафонова (1935 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района, уроженка д. Ивушкино того же района.

шедшие замуж в зимний мясоед) с парнями. Делали Масленицу, совместно наряжали ее в лохмотья и старые вещи, принесенные из дома каждой девушкой и женщиной. Затем укрепляли на шесты и возили по селу с криками и шумом, затем сжигали и пепел рассеивали по полям.

Любимым праздником была и остается *Пасха*. Приспосабливали рядом стоящие деревья (березы), использовали веревки и доски-перекладины[1]. В прессе отмечены отличия в служении молебнов во время ходов по домам с иконами в св. Пасху между крестьянами – выходцами из Кунгурского уезда Пермской губернии и крестьянами Симского, Миньярского, Усть-Катавского, Юрюзанского, Катав-Ивановского заводов: «Заводской крестьянин, кроме пасхального молебна, служит молебен с водосвятием и акафистом Божьей матери, Иисусу, служит святым, покровителям животных: конской силе, т.е. Флору и Лавру, овечьей силе, Анастасии, коровьей силе Власию – Недосию (Власию и Модесту), свиной силе – Василию В., куриному богу– Марие-голендухе. Притч церковный, по числу разложения кучек медных денег, уже наперед знает о числе молебнов и нередко молебствует в каждом дому по 2–3 часа». Такое молитвенное настроение заводских крестьян В.С. Касимовский объясняет тем, переселенцы из внутренних губерний, бывшие крепостные, «молились только в святые дни Пасхи. Теперь тот же обычай поддерживается свободными заводскими крестьянами потому, что они заняты на заводах круглый год и удовлетворяют религиозные нужды раз в году. Совсем не то в кунгурском селе: кунгуряк был всегда вольным и мог молиться, когда ему захочется, потому и в Пасху ограничивается пасхальным молебном»[2].

В Троицу с давних пор было принято украшать внутреннюю и внешнюю часть дома березовыми ветвями. В экспедиции 2011 г. в Вознесенке мы нашли засушенные троицкие ветки березы в вазах рядом с комнатными цветами, стоящими в Божнице с пасхальными яйцами и ветками вербы. В селе нам сообщили о запрете до Троицы

---

[1] ПМА 2011 г. Информатор Н.С. Сафонова (1935 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района, уроженка д. Ивушкино того же района. Информатор Д.А. Киселев (1912 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района, уроженец с. Сальёвка того же района. П.П. Чернов (1928 г.р.), с. Молоканово Куюргазинского района.

[2] *Касимовский В.С.* Указ. соч. С. 17.

и в день Троицы купаться, потому что вода – именинница. В 2011 г. совпали праздники Троицы и Сабантуй. День был жаркий, трое мужчин нарушили запрет и утонули. В 2010 г. по той же причине утонуло четверо мужчин[1].

Сабантуй, тюркский по происхождению обряд (*набан* – плуг, *туй* – торжество), жители Вознесенки, как и других соседних русских селений, считают своим праздником. Это связано с тем, что Сабантуй проводился еще на их прежней родине. в Кунгурском уезде, перед началом земледельческих работ[2].

Информаторы с удовольствием вспоминают праздники, учрежденные в XX столетии, прежде всего «Октябрьский» (7 ноября). В с. Ивушкино Дуванского района не было клуба, и на «Октябрьскую» в 1946–1950 гг. Нина Сергеевна Сафонова (1935 г.р.) и её четыре подруги готовили концертную программу. В назначенное время жители села (полсотни домов) могли прийти в дом Сафоновых. Они рассаживались вдоль стен на лавочки, смотрели, слушали, развлекались. В доме Мокшиных напротив Сафоновых подобным образом готовились и праздновали Новый год[3].

Все праздники и обряды сопровождались игрой на музыкальных инструментах, иногда играли на скрипке и мандолине, во всех русских селах были гармонисты и балалаечники. Сейчас их осталось очень мало. В Вознесенке в доме Виталия Васильевича Горкунова (1930 г.р.) целая коллекция гармоник. Его супруга, Ираида Петровна (1931 г.р.), задорно поет под его сопровождение песни и частушки. У Александры Федотовны Булатовой балалайка находится на видном и почетном месте. Для нас она сыграла несколько мелодий, а соседка Анна Гавриловна Тихомирова, солистка местного ансамбля художественной самодеятельности, спела. Александр Федорович Бреев (1908–198?) в селе раньше сам ремонтировал и делал гармони. В семье Пестеревых дочери играли на мандолине. Местный гончар Арсений Алексеевич Шестаков делал свистульки из

[1] ПМА 2011 г. Информатор Г.Г. Чулкова (1957 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района РБ.

[2] *Мюллер Ф.Г.* Об исследовании в странах Урала и Кавказа в историческом, географическом и этнографическом отношении. Пер. М.М. Гельдта с нем. яз. // Гос. архив Оренбург. обл. Ф. 168. Оп. 1. Д. 63. Л. 158.

[3] ПМА 2011 г. Информатор Н.С. Сафонова (1935 г.р.), с. Вознесенка Дуванского района.

глины, продавал их наряду с другими своими изделиями (корчаги, миски). Дети и подростки делали свистульки из акации, из прутиков тополя, из бересты, из растения пырей и дикой моркови. Молодежь на свадьбах, на праздниках, в разгар веселья, вместо музыкального сопровождения использовала деревянные ложки, заслонки от печей и «у кого какая фантазия».

В настоящее время празднично-обрядовый календарь местного населения включает не только традиционные праздники, но и советские и заимствованные из зарубежных культур, приуроченные важным событиям: 1 сентября – «День знаний», 9 января – «Пришла Коляда накануне Рождества», 14 февраля – «День святого Валентина», 1 марта – «Проводы русской зимы», 1 апреля – Юморина и т.д. В последние годы в августе проводится красивый праздник цветов. Он заключается в том, что вечером нарядные дети и взрослые направляются в клуб, несут дары лета и ставят их на столы для всеобщего обозрения. Организуется конкурс в трех номинациях: на лучший цветочный букет, плодово-ягодных композиций и суперовощей (крупные овощи). Подводит итоги, поздравляет председатель сельсовета, затем устраивается дискотека.

Песенный фольклор

Двадцатый век для Башкортостана и страны в целом стал периодом утраты многих этнокультурных ценностей, в том числе фольклора. Процессы урбанизации, индустриализации и глобализации способствовали нивелированию, обезличиванию, унификации фольклорных традиций. Традиционная культура лишилась в ряде случаев этносоциальной базы для своего естественного развития. Во многом этому способствовал официальный запрет на исполнение ряда фольклорных жанров, например календарных. Возникли условия, трансформировавшие фольклорное сознание. Аутентичный фольклор стал уступать место фольклоризму. Некоторые фольклорные жанры, не созвучные новому времени, стали забываться. В их числе русские былины, сказки, многие исторические песни и баллады, календарные и свадебные песни, причитания рекрутов, невесты и похоронные, народная драма, духовные стихи.

Островком традиционной русской культуры остались лишь некоторые селения, отдаленные от центров урбанизации расстоянием и природно-географическими барьерами, особенно село Вознесенка Дуванского района. До сих пор речь местных жителей – очень открытых для общения, искренних и добрых, – пестрит пословицами и поговорками. Некоторые жители помнят народные сказки, а также легенды и предания – о том, как русские переселенцы основывали на башкирских землях свои селения, как со временем сложились добрососедские отношения с башкирами, татарами, мордвой, марийцами, удмуртами и другими народами. Рассказывают о революционных и военных событиях, о кладоискателях и преследователях помещиков. Охотники и рыболовы повествуют о своих приключениях и неимоверных приобретениях. Старшее поколение (а здесь много долгожителей) помнит обряды земледельческого календаря и традиционной свадьбы. Знатоки местной истории и культуры сетуют, что молодежь забывает старинные обычаи, но радовалась прогрессу, который позволил через спутниковое телевидение узнавать о культуре народов мира.

При сборе материала нами выделен репертуар местных фольклорных коллективов и исполнителей, не являющихся участниками выступлений на сценических площадках. Этот метод был нацелен на определение, во-первых, специфики репертуара, во-вторых, степени фольклоризации. В репертуаре фольклорного ансамбля и жителей села – народные песни и романсы: «Во саду, саду была», «Трубочка», «Грушица», «Ромашка», «Субботея», «Комара муха любила», «Это было давно», «У церкви стояла карета», «Ой, да ты, калинушка», «Черный ворон», «Ванька-цыган», «Раз помалу Маша жала», «Не было ветру». Последняя песня в селе раньше звучала как свадебная, с разрушением обряда перешла в число необрядовых. В ее современной версии отсутствует рассказ о том, как расплакалась невеста, как её унимала мать, обещая построить новые сени, которые разрушили сваты, купить чашу с дорогим лазоревым камнем, которую сломали гости.

Участницы фольклорного ансамбля с. Вознесенка «Семеновна» как народную поют песню Ю. Кима «Думы окаянные»: *Думы окаянныя, думы потаенныя, // Бестолковая любовь, головка загубённая. // Всё вы думы знаятё, всё вы думы помнятё, // До чего ж вы маё сердце этим огарчаятё <…>.*

От Михайловой Галины Павловны (1946 г.р.) нами зафиксирована переделка народной песни про Чуркина-атамана, восходящей к стихотворению 1846 г. Ф.Б. Миллера «Погребенье разбойника». В 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой песня записана: в более полном варианте – в с. Месягутово, в сокращенном – в с. Ярославка. Начало записей почти совпадает, в современной трактовке нет лишь вставок «да», «ой да»: *Среди лесов дремучих // Разбойнички* ***да*** *идут, // В своих руках могучих // Товарища* ***да*** *несут.* В записях в Ярославке и Месягутово говорится просто о солдате: *На них лежал сраженный // Солдатик ой как молодой.* Завершается песня словами: *Из ран да кровь сочится // По русым волосам* или *Одна струя быстрее // Течет по волосам*[1]. В записях 2009 г. и 1949 г. повествуется о Чуркине-атамане: *На них лежит сраженный // Сам Чуркин молодой.* Далее лишь у Э.В. Померанцевой содержится эпизод похорон атамана[2].

По мнению Г.П. Михайловой, песня о Чуркине-атамане – времен Ивана Грозного. Нам известны многочисленные переделки этой песни: о кубанском казаке в записи 1895 г., где упоминаются отступающие кадеты[3]; просто о казаке, погибшем на турецкой земле («Не с лесов дремучих»); о Чапаеве («Среди песков сыпучих»)[4]; о солдатах Первой мировой войны, где место кадетов заняли «германцы» или «немцы», «красные» и «белые»[5]. В отличие от других, в Башкортостане в песне нет припева.

Жители села поют не только русские, но и украинские народные песни «Распрягайте, хлопцы, коней», «Несе Галя воду» и др. Те же песни можно найти в материалах экспедиций в русских селениях

---

[1] Русские песни Башкирии. Записи фольклор. экспедиций 1948–1949 гг. кафедры фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Баш. НИИ ист., яз. и лит. им. М. Гафури под рук. Э.В. Померанцевой // Научный архив Уфимского научного центра РАН (НА УНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 12. Д. 327. Л. 643.

[2] Там же. Л. 658–659.

[3] *Вараввa И.Ф.* Песни казаков Кубани. Краснодар, 1966. № 313.

[4] Среди песков сыпучих…»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.a.-pesni.golosa.info/grvojna/kr/srediles-gr.htm (дата обращения: 01.03.2010); *Астахов А.М.* Фольклор гражданской войны. Советский фольклор. Вып. 1. М., 1934 (вариант партизан Беломорского побережья); *Сенкевич В.* Песни сибирских партизан. М., 1935. С. 1.

[5] *Элиасов Л.Е.* Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи гражданской войны. Улан-Уде, 1957. С. 105–107.

Башкирии не только 1948–1949 гг., но и 1938–1939 гг. под руководством Н.П. Колпаковой[1].

Вариант песни «Распрягайте, хлопцы, коней», исполненный в 2009 г. В.А. Зыряновым, во многом близок к одной из записей Э.В. Померанцевой. Вместе с тем, из СМИ был перенят припев: *Маруся, раз-два-три, калина, // Чернявая дивчина // В саду ягоду рвала.* На вопрос, какая же это песня – русская, украинская, казацкая, – В.А. Зырянов, старовер поморского согласия, в прошлом казак, а в настоящее время считающий себя фермером и охотником, ответил: «Это наша песня». Этим все сказано.

О времени распространения этой песни среди русских Дуванского района Э.В. Померанцева пишет: «Её ведь не шибко давно запели, с войны германской, с революции»[2]. Записи в Тастубе, Рухтино, Ярославке Дуванского района сделаны в 1948–1949 гг. В 1950-е – 1960-е гг. в Башкортостане она распространилась повсеместно у разных народов, стала звучать в удмуртских, башкирских, татарских, мордовских, белорусских селениях[3]. Каждый исполнитель привносил в песню свое. Разночтения начинаются с первого слова: *випрягайте / распрягайте / запрягайте*, порой в масштабах одного села, например, Месягутово[4]. В одной из записей в Дуванском районе *криниченька* (родник, источник) становится *крыченькой, крывыченькой, крычоночкой,* которую герой собрался и *шипать* и *копать*. Прослеживаются лексические, фонетические и морфологические варьирования: *копал (копав), выйду (вийду, піду), дарил (дарив), не дает (дає), не взела (бере), видет (веде),*

---

[1] Записи фольклор. экспедиции 1938 г. Баш. НИИ яз. и лит. под рук. Н.П. Колпаковой // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 321–325.

[2] Русские песни Башкирии. Д. 326–333.

[3] *Минниахметова Т.Г.* Роль этнической среды в формировании песенного репертуара деревни // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск, 1989. С. 128–139; *Карпухин И.Е.* Русская свадьба в Башкортостане (состояние, поэтика, межэтнические взаимосвязи). Стерлитамак, 1999; Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии / Вступ. ст., сост., примеч. В.Я. Бабенко и Ф.Г. Ахатовой. Київ; Уфа, 1995. С. 63–64; *Ахатова Ф.Г.* Восточнославянские песни в Башкортостане: фольклорные процессы в многоэтничном регионе. М., 2006.

[4] Варианты указ. песни: Русские песни Башкирии // НА УНЦ РАН. Д. 327. Л. 196–197.

напувать), видирёчка (відеречко)[1].

Интересный вариант песни в 1942 г. в Башкирии записан известным украинским фольклористом М.М. Плисецким, где вместо «конів» – «волы». Особенностью варианта является также наличие экспозиции, своеобразного лирического вступления, и эпилога-вывода: *Зайшло сонечко за хмари, // Стало тьомно, не видать, // Распрягайте, хлопці, воли, // И сами лягайте спать <…>. Ой, дурний, дурний козаче, // Дурна твоя голова, // Біле личко, чорні брови // Ти на ленту проміняв*[2].

Итак, в песне «Распрягайте, хлопці, коней» ярко выражены русско-украинские языковые взаимодействия. Смысл некоторых слов не известен исполнителям, да это и не важно: задача исполнителей – передача не конкретного содержания, а обобщенного образа, где детали второстепенны.

Башкирские и татарские песни русские исполнители в Вознесенке не поют, хотя отмечают их удивительную красоту и поэтичность. Семья М.Ш. Васимовой (1937 г.р.) на своих семейных торжествах вспоминает родные песни, на общих же праздниках поет русские песни. В 1970-е гг. музыкальным руководителем ансамбля «Русская песня» с. Вознесенка был гармонист, башкир по национальности, Юламанов Дим Набиахметович, но башкирский репертуар в селе не закрепился.

Таким образом, в селе сохраняются фольклорные традиции, что связано не только с местоположением села, но и благодаря пропаганде народного творчества руководителя ансамбля Петровой Екатерины Демьяновны. Репертуар был дополнен авторскими песнями. На протяжении нескольких десятилетий украинские песни для русского населения стали родными (русскими). С разрушением обрядовых традиций свадебные песни и песни земледельческого календаря продолжили жизнь как необрядовые.

Многие образцы песенного фольклора, которые раньше активно звучали в русских селениях Башкортостана, современное поко-

---

[1] Варианты песни: Русские песни Башкирии // НА УНЦ РАН. Д. 326. Л. 196, 502–503.

[2] Українці в Башкирії: Записи экспедиции 1942–1943 гг. // Архив Ин-та искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рыльского Нац. АН Украины. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 114.

ление не знает, но проявляют интерес, а если их поет, придерживается исполнительских традиций. Есть предположение, что силами самодеятельных коллективов и любителей фольклора, работников образования и культуры народные забытые песни могут вновь зазвучать.

Заключение

В культуре села Вознесенка Дуванского района Башкортостана соединились старое и новое, традиционное и современное, региональное и свойственное только кунгурякам. Это прослеживается в особенностях селения, традициях постройки домов и иных сооружений, интерьере жилищ, хозяйственной деятельности, языке с множеством диалектных слов и выражений, празднично-обрядовой культуре. Процесс адаптации к местным природно-географическим и социальным условиям в период освоения края прошел быстро и безболезненно благодаря многочисленности, компактности расселения и контактам между селениями. Сложились условия для сохранения этнической культуры.

Исследование показало разнообразие процессов, которые имели место в материальной и духовной культуре села. Она перманентно находилась и находится в состоянии творческого развития, отбора старого и нового, типичного и актуального, этнического и иноэтнического.

В ходе фольклорно-этнографических экспедиций мы получили колоссально яркое впечатление от пребывания в тех местах, где в лесах до сих пор водятся медведи, волки и кабаны, на склонах гор пасутся лоси и косули, произрастают редкие растения. Видели стремление русского крестьянина к красоте, гармонии с природой. Грозный вид жилища-крепости на высоком фундаменте, с закрытым двором, высоким забором смягчен резными наличниками ювелирной огранки и буйством красок цветов в палисадниках и огородах; он сохраняет традиции переселенцев из северных губерний России и логично вписывается в ландшафт с многовековыми соснами и елями. В крестьянский труд вовлечены различные поколения людей, и даже школьники владеют навыками пчеловодства, разбираются в съедобных грибах и растениях, с легкостью назовут название

пойманной рыбы. Они помогают обрабатывать землю, которая несколько веков назад привела в башкирские края русских крестьян и дала возможность обрести новую родину. Дети осваивают навыки местных мастеров-ремесленников, искусство швей и кулинаров для оформления изысканного праздничного стола, – так, как было принято раньше, но актуально и сейчас.

В последние десятилетия некоторые бывшие крестьяне стали фермерами. Другие в поисках денег подались на заработки в Сибирь. Женщины не только успешно ведут крестьянское хозяйство, но и работают на частных и государственных предприятиях, занимают административные должности. Развитие промышленности вытеснило народное гончарное и бондарное производство. В сараи или на чердаки заброшены ткацкие станки, прялки, чесалки, но по-прежнему в домах радуют глаз текстильные изделия ручной работы – вышитые иконы, связанные крючком скатерти, изящные салфетки, теплые половички, причем в последние годы такие предметы вновь стали модными. Они уживаются с фабричными коврами и паласами и оттеняют агрессию современной многочисленной аудио- и видеотехники.

Жизнь русского крестьянина всегда была насыщена ярко эмоциональными событиями – обрядами и праздниками. В период переселения происходило перенесение культурных традиций русских – выходцев из различных губерний России – в новую этническую среду, и их транслирование. Одновременно наблюдалось их взаимодействие между собой и с другими народами.

Исследование показало, что календарно-обрядовая культура русского села Вознесенка является индикатором разнообразных социально-политических перемен в обществе. Процессы индустриализации, урбанизации и глобализации повлияли на быт и духовную культуру, способствовали забыванию традиций. Трансформировалось сознание носителей традиционной культуры, и крестьянин-общинник, поклоняющийся Солнцу, Природе, верящий в силу обрядов, стал рационально мыслящим человеком, часто атеистом, гражданином республики и страны, живо интересующийся передовыми технологиями, обретая новый хозяйственно-культурный опыт через общение и взаимодействие с другими народами. Механизация труда (распространение тракторов, косилок, молотилок, веялок, комбайнов) и выполнение сельскохозяйственных работ по государ-

ственным планам нивелировали народные предписания. Исчезли вера в магию и обряды: первого снопа «именинного» и последнего «снопа-деда» или «снопа-бабы». Образовавшийся пробел в летний период заполнили праздники «Здравствуйте, односельчане», «Шежере», «Праздник цветов», «Чествование ветеранов», «Праздник-конкурс на лучшую улицу и усадьбу» и пр. Обряды зимнего цикла до наших дней сохранились лучше, но они во многом схематизированы и упрощены.

В то же время произошло складывание на основе обрядовых традиций современной национальной культуры Башкортостана, в которой соединились народные и профессиональные, сельские и городские традиции, старое и новое, этническое и межэтническое. Формированию общего пласта празднично-обрядовой культуры народов Башкортостана способствовал совместный труд, проживание в одних и тех же селениях, увеличение количества межэтнических браков, а также историческая общность традиций народов.

Сейчас жизнь Вознесенки тесно связана с башкирами, татарами и другими этносами, они вместе участвуют в праздновании тюркского Сабантуя, христианской Троицы, языческого Ивана Купалы. На народных гуляниях представители разных национальностей угощаются башкиро-татарским чак-чаком и кумысом, русскими блинами, украинскими голубцами, кавказским шашлыком. Они поют одни и те же песни под сопровождение русской гармони и балалайки, башкирского курая и думбыры.

Культура Вознесенки таит в себе много загадок и парадоксов. С одной стороны, она менялась вслед за обществом, с другой стороны, на протяжении нескольких столетий основной вектор был направлен на сохранение этнических традиций. Это выразилось в трансляции календарных обрядов и праздников, обрядового фольклора с его композиционными особенностями жанров, устойчивыми речевыми конструкциями, поэтическими образами, художественными средствами и приемами. Вплоть до наших дней можно записать удивительные по своей красоте и поэтическому совершенству песни; некоторые из них на основной этнической территории давно забыты, а сохранились лишь в Башкортостане благодаря процессам консервации культуры в условиях многоэтничной среды.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Материалы экспедиции 1949 г. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова совместно с Башкирским НИИ истории, языка и литературы им. М. Гафури под руководством Э.В. Померанцевой[1]

О селе Вознесенка[2]

Русское село по тракту, возникло очень давно (точно не удалось установить). Раньше называлось Хива. Русские сюда пришли из Кунгура, Пензенской губернии, Вятки. «Когда татары на Россию заступали с плетью, здесь их убивали» (из рассказа встречной женщины).

Вознесенкой село стало называться после того, как была построена церковь Вознесенья (по престольному празднику). Она строилась очень долго – лет 12 («один год строят, а на другой не приедут, все опять разрушится, надо наново»). И была окончательно построена лет 40 тому назад – на памяти некоторых стариков. (Зырянова помнит, как закладывали). Вознесенка стоит на речке Картья. Очень немногие жители знают ее название. Село протянулось на 7–8 км. Сейчас в Вознесенке 2 колхоза: им. Коминтерна и им. Буденного. В селе имеются 3 начальные школы, в которых обучается 200 человек. В эту осень откроется и 5-й класс в одной из школ.

---

[1] Русский фольклор Башкирии. Записи фольклорных экспедиций 1948–1949 гг. кафедры фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Башкир. НИИ ист., яз. и лит. им. М. Гафури под рук. Э.В. Померанцевой. Дуванский район // Архив Уфимского науч. центра РАН Ф. 3. Оп. 12. Д. 194. Л. 1–425; Д. 195. Л. 426–871.

[2] Там же. Л. 413–414.

Имеется хороший клуб со сценой и читальней. Там выступают приезжие из Уфы артисты, лекторы. Культработа ведется еще недостаточно, своими силами. Комсомольская организация небольшая (5–6 чел.). К сожалению, встретить никого из комсомольцев не удалось, все они на поле, на покосе, там и живут, т.к. далеко от села.

В село проведено радио. Вот как сказала про него одна женщина: «Хоть я голодом, хоть я что, а вот всё отрадно – радио. Ведь сын был на фронте в войну, сводки слушала, а другим добавляла: «Даша-то Кобякова, как заиграют, так и пустится с внуком в пляску».

Нам не удалось найти в Вознесенке ни одного крупного мастера-певца или сказочника. <…> Старое поколение представлено песенницей Зыряновой, Кувшиновой. Характерен репертуар женщин среднего поколения и, отчасти, молодых замужних <…>. Это распространенные и в других местах, пришедшие из города, песни времен, очевидно, 1 империалистической войны: «При бурной ноченьке ненастной», «В одном городишке девчонка жила, В молодого жигана была влюблена», «Вы матросы, моряки, у вас алы губки» и т.д.

Молодежь поет советские песни (мы слышали их в клубе после нашей лекции о Пушкине). Интересно, что некоторые песни, например, «Одинокая гармонь», «Матросский вальс» они поют несколько по-иному – более протяжно и с красивыми переходами, на два голоса. Поют песню Исаковского «Услышь меня, хорошая». Записали ответ на «Огонек», в альбомах нашли несколько интересных переделок песен военного времени. Девочки школьного возраста пели нам частушки, частично школьные, в большинстве деревенские. В Вознесенке мы встречались с участниками Гражданской войны, старыми партизанами – Е.И. Трусовым, который передал нам свои записи, и Г.Ф. Бреевым.

О революционных событиях в Дуванском районе [1]

Больше 500 человек пало в Месягутово в момент революции. Башкиры здесь все были большеземельные. Когда стали землю от-

[1] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от Белобородова Федора Алексеевича, 45 л., в с. Месягутово Дуванского района // Там же. Л. 134–136.

бирать, им не понравилось. Купечество воспользовалось этим, собрали и взволновали башкир. Около Вознесенки сидели мы все дома. Прибегает дядя наш Калашников. А он с Усовым был в организации большевистской партии в Месягутово. Прибегает он: «Нехорошо», – говорит. – «Со всех сторон делают нападение». Нас послали – меня и брата Михаила делать разведку. Мы поехали под видом, что жеребят искать, он в одну сторону, а я к горе. Клад у нас называется. После увидели – в самом деле фронт. Меня поймали. «Куда?». – «Жеребят искать». – «Чей?». – «Белобородов». – «Ага. Езжай». Только этих проехал, а это большевики стояли построены с винтовками, спустился в лог, поехал осиновыми кустиками, меня сразу опять поймали уже ихние. «Кто, откуда?». А это были озёрские и сикиязкие мужики. Я опять тоже: «Жеребят искать». – «Чей?». – «Белобородов». Отговорился опять. Куда мне велели, к болоту, туда я поехал. «Убьем тебя, наверное. На разведку ездишь». – «Нет, жеребят ищу». – «Чей?». – «Белобородов». И опять отпуск дали, потому что отца нашего знали, землю он искупил у них. Узнал, как обстоит дело, айда обратно. Брат тоже объездил. Приехали, рассказываем: «Вот такое положение. Здесь, здесь, здесь люди». Ну дядя нас выслушал и пошел. Сами они 20 человек в гимназию забрались, а остальные по домам. Слышим, уже одного дядю Калашникова Филиппа за пекарней убили. А эти сидят, оборону держат. Сидели они так пятеро суток, всё держались. Красная Гвардия уже была на станции Кропачево, да из Сатки и Бокала шли два отряда рабочих, их организовал большевик Самойлов. Но эти 20 человек, что в гимназии, не дождались и сдались. Их обманули. Сделали переговоры, выбросили флаги, обещали только разоружить. Вывели из гимназии и посадили в кузнецовскую кладовую. На второй день сделали суд. Судили кулачество Шлейтеры, московские ребята. Давали по году, по два высидки, а потом, где теперь нарсуд, заводили и штыками кололи. И перекололи 28 человек, только старожиха 29-я осталась. И вывезли, где алебастр копают, и ямы завалили. Наутро подоспели рабочие отряды, и закипел бой. Месягутово взяли в кольцо. Это белые рассовались, понатыкались везде, их искали красноармейцы, приводили на мост, по команде заставляли прыгать в воду и расстреливали. А мясо плыви…

Жертвы выкопали и охоронили на площади.

Воспоминание о Гражданской войне[1]

В марте 1918 г. установили советскую власть. В Тастубе – революционный штаб. Логинов – начальник революционного штаба в Тастубе. В Лемазах – штаб кулацкого восстания. Кулаки 26 чел. Зарыли живьем, в их числе – отец с семью сыновьями. Кузнецов сумел бежать. Ему было тогда 19 лет.

1918 г. Бои в Дуване. Антон Черепанов и Рудаков отступили к Уфе. Плыли к Уфе на пароходе. Не знали, какая власть в Уфе. Приехали туда 300 человек. Нас охраняли, т.к. не знали, кто такие (не верили, сначала было много банд). Оказалось, что в Уфе советская власть. Прожили дня четыре в Уфе, получили вооружение, обмундирование. После свержения царя – никакой власти. Приходили солдаты с фронта. В Лемазах нас было человек 12. Послали к Логинову. В Уфе местным революционным советом организовано народное вооружение. Приказ – в Дуванский район под руководством Черепанова-Рудакова (объединенный отряд).

В Дуване с полмесяца, как стали увеличиваться кулацкие восстания. Стали убивать сочувствующих. Отступали в сторону Красноуфимска. В селе Емаши соединились с Борщаниновым. Тут же организовали регулярные полки 1 и 2 Красноуфимские. Конец июля 1918 г. Кузнецов – у полковника Баталова в конной разведке 1-го Красноуфимского полка. Дрались фронтами, а не отрядами. 18 марта 1819 г. ранен в селе Разливы. В мае через 2 месяца вернулся.

В Тастубе кулацкое собрание. Мы разогнали это собрание. Они стали собираться тайно, вооружаться, нападать.

В мае 1819 г. вынуждены были идти в Дуван. Между Дуваном и Чертаном кричали: «Ура!». Мы стреляли в толпу. Нас 12 чел., их – 100. Лемазинский человек Шестаков вел нас.

До Дуванского штаба шли с боями. Штаб – в райкоме партии. Соединились. Повели уличные бои. Жертв было 10–15 человек. Собрались в штаб. Решили отступать. Пошли лесами на пристань. Там сели на пароход, приехали в Уфу.

---

[1] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от Кузнецова Михаила Петровича, 56 л., в с. Вознесенка Дуванского района // Там же. Д. 194. Л. 128–129.

Руководили – Николай Клементьевич Рудаков, Ефимовский, Максим Шестаков.

Песни села Вознесенка Дуванского района в записях экспедиции Э.В. Померанцевой (1949 г.)[1] и Ф.Г. Галиевой (2009, 2011 гг.)

Милые подруги[2]

Милые подруги,
Вам счастье, а мне нет,
Без мила дружка скучно,
Не мил мне белый свет.
Не лучше ли мне будет
Живой в могилу лечь,
Жива в могилу лягу,
Скажите: померла,
Но сердце не стерпело,
Сама к нему пошла.
Иду, а ветер воет,
Едва на свет гляжу,
А сердце пуще ноет,
Чем ближе подхожу.
Пришла я на крылечко,
И стала у дверей,
Ретивое сердечко
Забилося сильней.
Дрожащею рукою
Дернула звонок,
Вдруг передо мною
Щелкнулся крючок.
Служанка отворяла,
Мне ручку падала,

[1] Песни приведены с сохранением орфографии собирателей фольклора.

[2] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от Кузнецовой Натальи Алексеевны, 54 л., и Селяниной Варвары Петровны, 27 л., в с. Вознесенка Дуванского района. Каждые 2 строки повторяются // Там же. Л. 415–416.

И с гордою улыбкой
С по комнатам вела.
Все комнаты закрыты,
Одна растворена,
Взглянула в эту комнату,
Миленький сидит,
И держит на коленях
Соперницу свою.
Тут я не стерпела,
Сказала слово ей:
–Девчонка, не влюбляйся,
Не любит он тебя,
Девчонка, не влюбляйся,
Погубит он тебя.

Кукует кукушка во темном лесу[1]

Кукует кукушка во темном лесу,
А я сирота на чужой стороне,
Плакать не смею, рыдать не велят (2),
А только велят поле---гонько вздыхать (2).
Встану – в окошко гу-ляет народ,
А я, сирота, во чу-жой стороне (2),
Весь народ гуляет, а ми-лого нет,
Милого нет, так не глядела бы на свет.

Потеряла я колечко[2]

Потеряла я колечка
Потеряла я любовь,
Как об этом о колечке
Буду плакать день и ночь.
Куда краса моя девалась,
Кому ж я счастье отдала.
Цветка бесценного лишилась,
Навек несчастной стала я.

[1] Информаторы те же // Там же. Л. 421.
[2] Информаторы те же. Каждые 2 строки повторяются // Там же. Л. 416–417.

Куда девался тот цветочек,
Он долину украшал.
Где мой миленький дружочек,
Он словно улетал.
Улестил милой словами,
Сам уехал навсегда.
Мил уехал, мне оставил
Мне малютку на руках.
Как взгляну я на малютку,
Вся слезами обольюсь.
Через тебя, моя малютка.
Пойду в море утоплюсь.
Сколько раз я спотоплялась,
Спотопиться не могла.
Своей русою косою
Трепетала по волнам,
Своей лентой голубою
Украшала берега,
Правой рученькой махала:
– Прощай, миленький, прощай.

Ехали казаки[1]

Ехали казаки
Со службы домой.
На плечах погоны,
На грудях кресты.
Середи дорожки
Родитель попал.
– Здравствуй, мой родитель,
Здорова ли семья?
– Вся семья здорова,
Случилась беда.
Беда не большая,
Не маленькая.

[1] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от Селяниной Варвары Петровны 27 л. Каждые 2 строки повторяются. // Там же. Л. 417–418.

Жёнка молодая
Дитя родила.
Сын с отцом ни слова,
Поехал домой,
К дому подъезжает
К родительскому,
Мать сына встречает
С иконой святой.
Жёнка молодая
Со малой дитей.
Вдруг взмелькнула шашка
В могучей руке,
Скатилася головка
С неверной жены.
Собирайся, народик,
Меня отправлять,
Меня отправлять,
Жёну хоронить,
Милую малютку навек сиротать.

Ты скажи-ка, скажи[1]

Ты скажи-ка, скажи, расфартовая,
Да ты из двух-то любишь, скажи, которого.
Да я, конечно, люблю дружка первого,
Да как со первым-то не влюблялася,
Да со последним-то жизнь кончалася.

Тихи рец‘ки, быстры струйки[2]

Тихи рец‘ки, быстры струйки,

[1] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от Кузнецовой Натальи Алексеевны, 54 л. // Там же. Л. 420.

[2] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от Зыряновой Евгении Трофимовны, 70 л., в с. Вознесенка Дуванского района // Там же. Л. 426–427: опубл.: Русское народное творчество в Башкирии / Под общей ред. Э.В. Померанцевой; Сост. С.И. Минц, Н.С. Полищук, Э.В. Померанцева. Уфа, 1957. С. 223–224.

Крутенькие бережоц‘ки.
Моют-моют, измывают
Желтеньки мелки песоц‘ки.
Молодой храбрый солдатик
С по бережку ходит,
Он с по бережку ходит.
Солдат ходит, дай ка-капитана просит:
–Ты позволь, позволь, кап-капитан,
Да домой спобывати, домой спобывати!
Не позволил ему капитаник
Дай домой спобывати, домой спобывати,
С того горя, эй, да со той кручины
Эх, зай-заболел солдатик.
Перед кончиной солдат, перед смертью
Три словечка молвил:
– Вы пойдите, ему принесите
Той-тонку белу парусину,
Вы ему подите, приведите
Коня вороного, ой, вороного.
Коня ведут, его тело несут –
Кой-конь головушку клонит,
Конь головушку клонит,
У молоденькой девчоночки
Бей-белы груди ломит.

По сеням было по сенечкам[1]

По сеням было по сенечкам (да),
По сеням было по решетчатым,
Там ходила-гуляла
Молода жена боярыня (2),
Свет Наталья Ильинична.
Да она будила-спобудила
Своего дружка милого,

[1] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой. Информатор тот же. Песню пели на свадебном пире девушки и женщины, деньги давал жених // Там же. Л. 427–428.

Своего Михайла-то Васильевича.
– Уж ты встань-восстань, милый друг,
Пробудись, душа, отецкий сын,
Да отвязался твой добрый конь
У столба-столба дубовенького,
От колечка серебряного,
От другого позолоц'еного.
Да убежал твой добрый конь
Во ц'исто поле, во далиц'у,
Он сповытоптал зеленый сад,
Сад со кàлиной, со кàлиной (2).
Ц'ёрной ягодой черёмухою,
С бурой ягодой смородиною.
Не тужи-ка моё умное,
Не тужи-ка, моё разумное.
Поживем с тобой да наживём,
Наживём с тобой сто рублей,
Да сповыкупим зеленый сад,
Сад со кàлиной, со мàлиной,
Чёрной ягодой черёмухою,
С бурой ягодой смородиною.

У садика-сада трое-двое ворота[1]

У садика-сада трое-двое ворота,
Трое точеныё, позолоченныё,
Как во первы ворота сокол пролетал,
Во вторые-те ворота молодец проезжал,
Как во третьи-те ворота ско́ры по́слы бежат,
Скоры-нескорые, по́слы ласковые:
– Свет Михайло, воротись,
Свет Васильевич, воротись!
Как твоя-то жена-барыня дочь родила.
– Я для дочери своей не ворочаюся:

[1] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой. Информатор тот же. Песню пели на свадьбе женатому гостю // Там же. Л. 428–429 (опубл.: Русское народное творчество в Башкирии. С.158–159).

Да ещё дочь-то у меня не хозяйкой во дому,
Не хозяйкой во дому, честной гостьюшкою.
– Свет Михайло, воротись,
Свет Васильевич, воротись!
Как твоя-то жена-барыня сына родила.
– Я для сына своего не ворочаюся:
Еще сын-от у меня хозяин во дому,
Сам хозяин во дому, сам да со хозяюшкою.

Во пиру была беседа[1]

Во пиру была беседа (2)
Во беседушке (2),
Я не мёд-пиво пила (да) (2),
Не ц'ай кушала (2).
Я не пила молода (да) (2)
Из полуведра (2),
Из полуведра, ведёрка (2)
Ц'ерез край до дна (2).
Ещё тут молода (да) (2)
Не спивалася (2),
Не боялася (2),
Цистым полем шла (да) (2),
Не шаталася (2).
Ко двору млада пришла (да) (2),
Пошатилася.
За вервейку-вервею (да) (2)
Сохватилася (2).
Стой, вервейка-вервея (2),
Содержи меня.
Содержи меня, вервейка (да) (2),
Бабу пьяную (2),
Хмельную нетрезвую (да) (2),
Нетрезвую (2).
Ишо мой-ой муж (да) (2)
Горький пьяница (2).

[1] Там же. Л. 429–430.

Он и воду пьет (да) (2),
С воды пьян живет (2).
Заставляет меня (да) (2)
Разувать себя (2),
Разувать, раздевать (да) (2),
Распоясывать (2).
У его же, у невежи (да) (2)
Ноги грязные (2),
У меня же, у младеньки (да) (2)
Руц'ки белые (2),
Белы руц'еньки (да) (2)
Помаралися (2),
А на руках перстни (да) (2)
Распаялися (2).

Будет, будет вам, ребята[1]

Будет, будет вам, ребята,
Ц'ужо пиво пити.
Не пора ли вам, ребята,
Своё заводити.
У нас солоду-то нету,
Хмелю не бывало,
Сладкий солод на овине,
А хмель-от на тыц'ине.
На тыц'ине-бадоржине,
На самой вершине.
Вершиноц'ка тонко гнётся,
А хмель-от выше вьется.
Вершиноц'ка-то д'обломилась,
Хмель-от отпустился,
Отпустился-обломился
На̀ мать сыру землю.
Что на мать сыру земельку,
На траву зелену,
Что на травиньку зелёну,

[1] Информатор тот же // Там же. Л. 430–431.

Что на росу студёну,
На росыньку студёну
Рассыпался ц'астый дождик (2)
На ц'етыре грани.

Как-то с по Питерской дороженьке широкой[1]

Как-то с по Питерской дороженьке широкой
Ой туда шли-пришли солдаты молодые,
Эй, младые. За имя-то идут отцы-матери
Эй, родные. Вперед-то идут сестры родные,
Эй, молодые. Вы да не плачьте-то,
наши жены молодые,
Эй, младые. Вы не рыдайте, отцы-мамоньки родные,
Эй, родные. Не сходить вам по белу свету,
Да эй за нами. Не стоптать вам
ковьль-травоньку да ногами,
Да эй ногами. Не спомочить вам сыру
мать-землю да слезами,
Слезами да горюц´ими, да эй горюц´ими.
(«Где, разве напоишь её?»).
Стопц´ем, стопц´ем ковыль-траву табунами,
Да эй, табунами. Да намоц´им,
смоц´им мать-сыру землю дождями,
Да эй, дождями. Наполним мы
синё море руц´ейками,
Да эй, руц´ейками. Да не ясен сокол
с по воздуху летает,
Да эй, летает. Да молодой солдат
с квартиры соезжает,
Эй, соезжает. Да не отец, не мать солдата провожает,
Эй, провожает. Провожали, да уважали добры люди,
Да эй, добры люди. Добры люди
да приближённые суседи,
Эх, суседки, суседки да эй, красны девки,
красны девки.

[1] Информатор тот же // Там же. Л. 431–432.

Аленький цветоц´ек[1]

Аленький цветоц´ек,
Зац´ем рано сповял?
Да любил мальц´ик девушку,
Любить эй перестал.
Да в той тюрьме было несчастной
Разбойниц´ек сидел,
Да ждал себе он смертыньки,
Двух грозных палачей.
Эх да тихо двери растворялись,
Зашел к нему палач,
Сабелька востра взмелькнула
В руках у палача.
Мальчишка испугался,
Со страху задрожал.
– Вы секите, вы рубите,
Не плачьте обо мне.
Был я мальц´ик в поле воин,
Всех резал я и рубил,
Саму младу пташец´ку
Не лету её стрелял.
Душу красну девицу
На встрец´у её целовал.
Спрашивал у девушки –
Любишь или нет,
Эх, да ежели меня любишь,
Возьму тебя я за себя,
А если ты меня не любишь,
Убью я сам себя,
Да продам душу Богу,
Придам тело к земле.

[1] Информатор тот же. Каждые две строки повторяются // Там же. Л. 432–433.

Частоговорка[1]

Дашенка пашеньку пахала,
Хрену, капустку сажала.
Да уродился хрен-капустка
Без моёго без поливу,
Чтобы сердце не болело,
Кровь горяча не кипела,
Бежит речка из Дунаю,
Да из другого-то другая.
Я девочка молодая,
Вела коня молодого.
Да выдают меня младеньку
Во чужу деревеньку,
Нет ни свекра, ни свекрови,
Только деверь да золовки,
Да мой муж разудался человек,
Он с повечера уходит,
Поутру рано приходит,
На кровати спать ложится,
К стене лицом воротится,
Трех-четырех вспоминает,
Меня младеньку забывает.

Ответ на «Огонёк»[2]

Приоткрылось окно осторожно,
Видит девушка, словно во сне –

[1] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от Липиной Вали, 12 л., в с. Вознесенка Дуванского района. Слышала от дедушки и бабушки. «Все этак наговаривали, наплясывали без гармони. Раньше-то гармоней не было, ведь это нонче без гармони не обходится, а раньше заслонку возьмёт и начнет» // Там же. Л. 438–439.

[2] Отклик на песню «Огонёк» – «На позиции девушка провожала бойца» (муз. народная, сл. М. Исаковского). Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от Горкуновой Валентины в с. Вознесенка Дуванского района // Там же. Л. 455–456.

Где-то близко играет гармошка,
Раздаётся в ночной тишине.

Пусть ей музыка очень знакома,
Всё же твердо решила она –
Пусть он ходит всю ночь возле дома,
Пусть он ходит всю ночь у окна.

Он своею игрою задорной
По ночам может нас разбудить,
Но характер её непокорный
Гармонисту никак не сломить.

Он идет по дорожке вдоль сада,
Не спуская с её окон глаз,
Только девушка знает, что надо
Пареньку-гармонисту сейчас.

Приоткрылось окно осторожно,
В хате молнией вспыхнул огонь,
Сердце парня забилось тревожно,
И в руках замолчала гармонь.

Бедняк[1]

Гроб тесовый необитый,
Двое-трое вслед идут,
Это ты, бедняк забытый,
На погост тебя несут.

С ней покончил ты расчеты,
С жизнью горькой трудовой,

[1] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от Бреева Гаврилы Филипповича – партизана и участника революционной войны 1905 г. в с. Вознесенка Дуванского района. Песню сочинил он сам. Печатался в газете в Дуване // Там же. Л. 453–454.

От трудов и от заботы
Ты найдешь теперь покой.

Весь свой век бедняк трудился,
Счастья в жизни не видал,
Но в борьбе с нуждой суровой
Надорвался, заболел.

И улёгся в гроб сосновый
Непробудным тихим сном.
Над твоей могилой честной
Зеленеть будет кругом.

Отец мой был природный пахарь[1]

Отец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с ним.
Отца забрали с первой хватки,
А мать живьем в костре сожгли.
Сестру родную в плен забрали,
Она недолго там была.
Три дня, три ноченьки старался,
Сестру родную выручал.
На четвертый постарался,
Сестру родную я украл.
С сестрой по бережку бежали,
И видно: лодочка стоит.
С сестрой мы в лодочку садились
И тихо плыли по волнам,
И вдруг кусты зашевелились,
Раздался выстрел роковой.
Сестра из лодочки упала,
И тихо плыла по волнам.

[1] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от Кузнецовой Натальи Алексеевны, 54 л., и Селяниной Александры Васильевны, 27 л. Каждые две строки повторяются // Там же. Л. 454–455.

Среди лесов дремучих[1] (1-й вариант)

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут,
В своих руках могучих
Товарища несут.
Носилки не простые –
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежит сраженный
Сам Чуркин молодой,
Он весь окровавленный,
С пробитой головой.
Из ран-то кровь сочится
По белым по щекам.
Еще она сочится
По черным по кудрям.

Среди лесов дремучих[2] (2-й вариант)

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут,
В своих руках могучих
Товарища несут.
Носилки не простые,
Из ружьев сложены,
Поперек носилок
Мечи положены.
На них лежал сраженный
Солдатик молодой,
Он весь окрававленный,
С разбитой головой.

[1] Зап. в 2009 г. Ф.Г. Галиевой от Михайловой Галины Павловны (1946 г.р.) в с. Вознесенка Дуванского района.

[2] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от М.И. Панова и Л.И. Падукован в с. Дуван Дуванского района // Там же. Л. 723–724.

Из ран-то кровь сочится
По русым волосам,
Одна струя быстрее
Течет по волосам.

Среди лесов дремучих[1] (3-й вариант)

Среди лесов дремучих
Разбойнички да идут,
В своих руках могучих
Товарища да несут.
Носилки не простые,
Из ружьев ой сложены,
Поперек стальные
Мечи положены.
На них лежал сраженный
Сам Чуркин ой да молодой,
Он весь окрававленный,
С разбитой ой да головой.
Из ран-то кровь сочится
По русым ой да волосам,
Два старые кинжала
За поясам да висят,
Два длинных пистолета
В груди его блестят.
На место приносили,
Сказали: «Братцы, стой,
Давайте рыть могилу
Мы брату своему.
Мы вырыли, спустили,
Сказали: «Брат, прощай,
Прощай, прощай, сраженный,
Наш Чуркин ой да молодой,
Нам никогда тепере
Беседовать с тобой.

[1] Зап. в 1949 г. экспедицией Э.В. Померанцевой от [б.у.] Окунцовой в с. Ярославка Дуванского района // Там же. Л. 658–659.

Нам надо поскорее
Опять в кровавый бой.

В эту темную ночь[1]

В эту темную ночь разбудил меня стук,
У окошка цыганка стояла.
И просила она, чтоб я горю помог –
У шатра её дочь умирала.
Я пошел вслед за ней,
Хороша и горда на лохмотьях цыганка лежала,
Из-под шали цветной, из груди молодой
Кровь горячая струйкой бежала.
Наклонился я к ней, губы шепчут: «Прощай,
Ой, как сильно его я любила,
Он ушел от меня, не вернется назад,
Он ушел в Аравийские степи.
А цыганская кровь горяча и горда.
Не оденет позорные цепи.
Он ушел от меня, не вернется назад.
В грудь кинжал я до ручки вонзила».

У зари-то у зореньки[2]

У зари-то у зореньки
Много ясных звезд.
А у темной ноченьки
Им и счету нет.

Горят-горят звездочки,
Пламенно горят.
Что-то сердцу бедному
Тихо говорят.

[1] Зап. в 2009 г. Ф.Г. Галиевой от фольклорного ансамбля «Семеновна» с. Вознесенка Дуванского района.

[2] Сведения те же.

Говорят и говорят о сладостях,
О прошедших днях
Говорят о горести,
Что постигла нас.
Как одна из звездочек
С неба сорвалась,
Покатилася по небичку.
Скрылася из глаз.

Звезды мои, звездочки,
Полно вам сиять,
Полно вам прошедшее
Мне напоминать.

Кто бы эту звездочку
Мог воротить.
Кто бы дружка милого
Мог бы возвратить.

Не воротят звездочку
Тысяча ночей.
Не заменят дружка милого
Тысяча друзей.

Ах, зачем эта ночь[1]

Ах, зачем эта ночь
Так была хороша.
Не белела бы грудь,
Не страдала б душа.
Я ее полюбил,
Полюбил горячо,
А она на меня

[1] Сведения те же.

Смотрит так холодно.
Ненавидит меня,
Видно счастью конец.
И с постылым со мной
Не пошла под венец.
Не видала она,
Как я в церкви стоял,
Прислонившись к стене,
Безутешно рыдал.
Звуки вальса лились.
Веселился весь дом,
Я к калитке своей
Прибирался тайком.
А в каморке своей
Все я думал ней,
Как она проживет
Без любимых друзей.

Где же ты летал по свету[1]

Где же ты летал по свету,
Где, кружась над мертвецом,
Где же ты похитил руку
Руку белую с кольцом?

Выходила там Катюша,
Пошатнулася слегка,
И узнала по колечку,
Чья у ворона рука.

Расскажу тебе, невеста,
Не таясь перед тобой,
Бой кровавый, пир богатый,
Буду помнить целый век.

Приходи сюда с лопатой,
Незнакомый человек.
Вырыл он глубоку яму
Схоронил богатырей.

Спите, спите вы, герои
При могильной тишине.
Не склюет вас черный ворон.
Не растащит хищный зверь.

Меж крутых бережков[2]

Меж крутых бережков Волга-речка течет
А по ней по волнам легка лодка плывет.

В ней сидел молодец, шапка с кистью на нем
Сам с веревкой в руках, волны резал веслом.

А на бережке там высок терем стоял
В нем красотка жила, он её вызывал.

А красавица та отворила окно,
Молодца приняла по веревке умно.

Долго пили они с ненаглядной душой,
А под утро хмельной возвращался домой.

Муж красавицы был воевода лихой.
Повстречал он врага во саду над рекой.

Долго бились они во саду над рекой.
Победил тут врага воевода лихой.

---

[1] Сведения те же.
[2] Сведения те же.

Меж крутых бережков Волга-речка течет.
А по ней по волнам шапка с кистью плывет.

Кирпичики[1]

Где-то в городе, на окраине
Я в рабочей семье родилась.
Горе мыкая, лет с 17-ти
На кирпичный завод нанялась.

Время первое было скучно мне,
А потом, проработавши год,
За веселый шум, за кирпичики
Полюбила этот завод.

На заводе том Сеньку встретила.
Как бывало, заслышу гудок,
Ручки вымою и бегу к нему
В мастерскую, накинув платок.

Началась война буржуазная,
По заводу ударили вдруг.
Сенька выскочил. а за Сенькой я
И еще 270 душ.

Вспомню я юные годы[2]

Вспомню я юные годы,
Когда я была молода.
Красою была одарена,
В мире, как роза цвела.

Родные меня все любили,
Мальчишки гонялись за мной

[1] Сведения те же.
[2] Сведения те же.

17 мне лет миновало,
И что же случилась со мной.

Однажды вечерней порою
Пошла по алее гулять,
Друзей при себе не имела
Лишь только тоску разогнать.

Подошел ко мне парень красивый
И стал он ко мне приставать,
Сначала наметил свиданье
В зеленую рощу гулять.

Гуляли мы с милым три года,
Гуляли мы с ним до зари,
Домой возвращалися поздно,
Уже потухали огни.

Гуляли мы с милым три года,
Была я верна одному.
Но что же случилась такое,
Мой милый влюбился в другу.

Другая нисколько не лучше,
Нисколь не красивше меня.
Лишь только роскошно одета,
Должна быть богаче меня.

Однажды вечерней порою
Сижу за роялью одна,
Я громко играла и пела,
Душа была грустью полна.

Вот слышу я грохот коляски,
Я мигом сбежала с крыльца,
И что же я вижу: в коляске
Мой милый другую везет.

Не помню. что было со мною,
Не помню, как в спальню зашла,
На стенке висевший револьвер
В дрожащие руки взяла.

Ступень по ступеньке сбежала,
Два выстрела сразу дала,
Его-то, злодея, не жалко,
Не жаль, что она умерла.

Её схоронили в той роще.
Где милый ей клятву давал,
Упал передней ней на колени,
Ласкал, милввал, целовал.

Сронила колечко[1]

Сронила колечко со правой руки,
Забилось сердечко об милом дружке.

Забилось сердечко об милом дружке,
Ушел он из дома, ушел по весне.

Ушел он из дома. ушел по весне,
Не зная, искать где, в какой стороне.

Не знаю искать где, в какой сторое,
У белой березы той ранней весной.

У белой березы той ранней весной
Я жду, ие дождуся милого домой.

Я жду, не дождуся милого домой,
Не скажет мне слова. к груди не прижмет.

[1] Сведения те же.

Не скажет мне слова, к груди не прижмет,
А сердце все тоскует, а сердце все ждет.

Надену я платье, к милому пойду,
А месяц дорогу укажет к нему.

Ты о чем грустишь, калина? [1]

Ты тем грустишь, калина в тишине полей,
Я ли, я ли не любила всей душой своей.

Я ли, я ли не жалела и не берегла,
Все, что было, что имела ему отдала.

Далеко уехал милый, не вернется вновь,
Он увез с собою песню и мою любовь.

Ванька-цыган [2]

Эх, Ванька, славный ты цыган,
Ой да, выходи-ка гулять к нам да на выгон.
Выходи-ка гулять к нам на выгон.
Ой да как у Вани во кармане,
Ой да как у Вани во кармане
Ой да бутылочка с номерами.
Во втором-то во кармане
Ой да платок белый с кружевами.
Платок белый, край не расшитый,
Ой да у Матани глаз да подбитый.
Ой да ты Матанька черная галка,
Ой да расставаться с тобой мне жалко.
Расстается лед да с водою,
Ой да расстаемся мы да с тобою.

[1] Сведения те же.
[2] Сведения те же.

Звенит звонок насчет проверки[1]

Звенит звонок насчет проверки
Ланцов задумал убежать.
Не стал зари он дожидаться,
Проворно печку стал ломать.
Сломал он печь, в трубу пробрался,
На тот высокий на чердак.
По чердачку он долго шлялся,
Себе веревочку искал.
Нашел веревку тонку, длину,
К трубе тюремной привязал.
Перекрестился, стал спускаться,
Его заметил часовой.
Тот часовой – парень не робкий,
На вольный воздух выстрел дал.
А сам на серенькой лошадке
К царю с докладом поскакал.
– Царь, к Вашей милости в докладом:
Ланцов из замка убежал.
Бежал он лесом, бежал полем,
Бежал, куда глаза глядят,
С травы росой он умывался,
Молился Богу на вести.

Кто поверит мвей скуке[2]

Кто поверит мвей скуке,
Да кто подумат обо мне,
Живу я с миленьким дружком в разлуке,
Да на чужой на стороне.

На чужой на дальней на сторонке
Да есть малютка от него.
Есть малютка, звать её Анютка,
Да вся похожа на него.

[1] Сведения те же. Каждый куплет повторяется.
[2] Сведения те же.

Я отдам сестре свою малютку,
А сама выйду на крыльцо.
На крыльцо я млада выходила,
Да мне навстречу мил идет.

Да мил навстречу, пал ко мне на плечи:
– Ой. виноват перед тобой.
Винован перед гобою.
Что женился на другой.

Да я женился, только разорился,
И не по мысли жёнку взял,
Моя жёнка ой да не корыстна,
Да не могу забыть тебя.

– Ты женился, так не кайся,
Да и жену свою не бей,
А за мною больше не гоняйся,
Да после время не жалей.

Вянет-пропадает молодость моя[1]

Вянет-пропадает молодость моя,
От лихого мужа нету мне житья.
Пьяный все дерется, трезвый все ворчит,
И что ни попало из дому тащит.
Утащил постельку, утащил кровать.
Утащил одьяло. не на чем мне спать.
Плакалась соседям, плакалась родне.
Никто не жалеет, не думат обо мне.
Есть солдатик Федя, дальняя родня,
Он меня жалеет, любит он меня.
Подмигну я Феде, с Федей мы вдвоем,
Далеко хлебами за село уйдем.
Все расскажу я Феде, всю выплачу печаль.

[1] Сведения те же.

Все отдам я Феде, все, что мне не жаль.
А приду домой я, спросит муженек.
«Где была, там нету», – таков мой ответ.
Пусть и наколотит, невелик наклад,
За милого побои, эх долго не болят.

***Не было ветру*[1]**

Не было ветру,
Вдруг подул ветер.
Не было гостей,
Вдруг наехали.
Полные дворы
Золотых карет.
Полные столы
Дорогих гостей.

***Роспрягайте, хлопцы, коней*[2]**

Роспрягайте, хлопцы, коней,
Да лягайте почивать,
А я вийду в сад зелёный,
В сад криниченьку копать.

Припев (2): Калина раз, два, три калина
Черновая дивчина
В саду ягоду брала.

Копав-копав криниченьку
Во зелёном во саду,
Чай, не выйдет дивчинонька
Утром рано воду брать.

[1] Сведения те же. Раньше исполнялась как свадебная песня. Текст неполный.

[2] Зап. в 2009 г. Ф.Г. Галиевой от Зырянова Валентина Андреевича (1936 г.р.) в с. Вознесенка Дуванского района. В репертуаре В.А. Зырянова есть еще несколько украинских песен.

Припев.

Вышла, вышла дивчинонька
Утром рано воду брать,
А за нею казаченька
Вышел коней наповать.

Припев.

Ой, василек, василек[1]

Ой, василек, василек,
Сколько мелькает их в поле,
Помню, до самой зари
Мы собирали для Оли.

Оля сорвет василёк,
Низко головку наклонит,
Милый, смотри, василек
Твой поплывёт, мой потонет.

Оля любила реку,
Ночью на ней не боялась,
Даже по самым ночам
С милым на лодке каталась.

Крепко он руку ей жал,
В глазки смотрел голубые,
И без конца целовал
Бледные губки худые.

Утром нашли рыбаки
Оленькин труп у залива,
Надпись была на груди:
«Олю любовь погубила».

[1] Зап. в 2011 г. Ф.Г. Галиевой от Михайловой Галины Павловны (1946г.р.) в с. Вознесенка Дуванского района. Третья и четвертая строки повторяются.

Небо темно-синее[1]

Небо темно-синее,
Вечер к ночи клонится,
Не послушать сердце ли,
Не пойти к околице?

Вот знакома улица,
И тропа знакомая,
Вот приду нежданная,
Стану у райкома я.

Заседанье кончится,
И начнутся прения,
Просидишь до ночи ты,
Над постановлением.

Во кармане ветер дует[2]
(1-й вариант)

Во кармане ветер дует,
Кошелёк пустой звенит,
Мой-от милый не робеет,
За решёткою сидит.
Он сидит и слёзно плачет,
Сам с собою говорит,
Ноги босы, тело грязно,
Рубашонка как смола.
Разбессовестна девчонка,
До чего ж ты довела,
До какого до позора,
До народного суда?
– Никого я не зарезал,
Никого я не убил,

[1] Информатор тот же. Последний куплет Г.П. Михайлова забыла, он заканчивается словами «Заседанье даже в воскресение».

[2] Информатор тот же.

Я молоденьку девчонку,
Я в колодце утопил.

Во кармане ветер дует[1]
(2-й вариант)

Во кармане ветер дует,
Кошелёк пустой гремит,
Мой-от милый не робеет,
За решёткою сидит.
Он сидит и слёзно плачет
Сам с собою говорит:
– Ноги босы, тело грязно,
Рубашонка как смола.
Распроклятая девчонка,
До чего ж ты довела,
До какого до позора,
До народного суда?
Ах вы, судьи, мои судьи,
За что судите меня?
За какое преступленье
Обсудили вы меня.
Обсудили, посадили,
Сижу в камере сырой,
Ах ты, голубь, мой голубчик,
Ты слетай-ка в дом родной.

Уж годы пронеслись[2]

Уж годы пронеслись, и мы чужими стали,
Замолкло сердце, не вернется вновь.
Сердцами нашими мы так играли,
Как дым рассеялась у нас любовь.

[1] Зап. в 1949 г. Э.В. Померанцевой от Н.А. Кузнецовой, 54 л. и В.П. Селяниной, 27 л. Каждые 2 строки повторяются. // Архив Уфимского науч. центра РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 194. Л. 420.

[2] Информатор тот же.

Гляжу на твой портрет и вижу взгляд унылый,
В твоих глазах читаю я обман.
Пишу ответ тебе я откровенный,
Как недочитанный ещё роман.

Ну что ж, прощай, грустить не стану я,
Больному сердцу ничто уж нипочём,
Пройдут года, забудем прошлое,
И снова жизнь у нас забьет ключом.

ЛИТЕРАТУРА

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Бусыгин Е.П. Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР // Географический сборник. Вып. 2. Казань, 1967. С. 108–127.

Златоверховников И. Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899.

Златоустовский филиал Гос. архива Челябинской обл. Ф.38. Оп.1. Д. 190.

Знаменитые дуванцы. Сборник материалов районной краеведческой конференции / Отдел образования муниципального района Дуванский район. Сост. Л.А. Морозова Ред. группа: Л.А. Морозова, А.И. Ермакова. Месягутово, 2008.

Касимовский В. Исторические очерки о Дуване (1868, 1887 гг.). Месягутово, 1991; То же. Этнографический очерк села Дувана Уфимской губернии Златоустовского уезда. Составлен Действительным Членом Уфимского Статистического Комитета В. Касимовским // Уфимские губернские ведомости. 1877.

Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909.

Пекер А.А. Несколько слов о домашнем быте русских крестьян // Оренбургские губернские ведомости. 1860. № 15 и 16 (16 апр.).

Киярякова Н.А. Трудовая деятельность крестьянства. Рукопись. Вознесенка, 2012.

Кирякова Н.А. Вознесенка в годы Великой Отечественной войны. Рукопись. Вознесенка, 2012.

Репрессии на северо-востоке Башкирии в 30–50-е годы XX века: сб. материалов зональной науч.-практич. конф. / Сост. Л.А. Морозова. Месягутово, 2007.

Русский фольклор Башкирии. Записи фольклорных экспедиций 1948–1949 гг. кафедры фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Башкир. НИИ ист., яз. и лит. им. М. Гафури под рук. Э.В. Померанцевой. Дуванский район // Архив Уфимского науч. центра РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 194. Л. 1–425; Д. 195. Л. 426–871.

Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т.VI. Златоустовский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1897 года // Страницы истории Дуванского района. Месягутово, 1991. С. 61–62.

Страницы истории Дуванского района / Дуванское управление народного образования; Дуванское районное общество краеведов; Редакция газеты «Дуванский вестник»; Редкол.: В.В. Латыпова, Л.А. Морозова, А.И. Осипов, М.И. Роднов (отв. ред.), Н.И. Черепанова. Месягутово, 2001.

Фефелов А.Г. Раскулачивание в Вознесенке // Репрессии на северо-востоке Башкирии в 30-50е годы XX века. Месягутово, 2007. С.63–65.

Содержание

От автора 3
Из истории возникновения села 4
Церковь как центр духовной культуры 7
Особенности поселения 10
Усадьба 12
Интерьер домов 17
Хозяйственная деятельность 21
Праздники и обряды 32
Песенный фольклор 39
Заключение 44

Приложения. Материалы экспедиции 1949 г.
МГУ им. М.В. Ломоносова
совместно с Башкирским НИИ истории, языка
и литературы им. М. Гафури
под руководством Э.В. Померанцевой
О селе Вознесенка 47
О революционных событиях
в Дуванском районе 48
Воспоминание о Гражданской войне 50
Песни села Вознесенка Дуванского района
в записях экспедиции Э.В. Померанцевой (1949 г.)
и Ф.Г. Галиевой (2009, 2011 гг.) 51

Литература 81

Научное издание

ГАЛИЕВА Фарида Габдулхаевна

РУССКОЕ СЕЛО ВОЗНЕСЕНКА ДУВАНСКОГО РАЙОНА БАШКОРТОСТАНА

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Редактор *Р.Р. Садиков*
Верстка *И.В. Кучумова*
Художественный редактор *С.Ю. Серебренникова*

Сдано в набор 10.07.2013. Подписано в печать 18.07.2013. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman». Печать ризографическая. Усл. печ. л. 5,3. Уч.-изд. л. 3,2. Тираж 100 экз. Заказ № 47. Цена договорная.

ИП Галиуллин Д.А. 450105, г. Уфа, ул. Королева, 10/3–75; 741387@mail.ru

Отпечатано в типографии ИП Галиуллин Д.А.
в полном соответствии с предоставленными оригинал-макетами.
450105, г. Уфа, ул. Королева, 10/3–75; 741387@mail.ru

Каменный Храм Вознесенья Господня в начале XX в. и выстроенная в 1999 г. деревянная церковь.

Дом в начале XX в. и в 2012 г.

На улицах села. 2011 г.

Дом культуры и местные мастерицы.

Встреча научных сотрудников с фольклорным коллективом «Семеновна». 2009 г.

Директор местного музея минералогии С.Н. Сирота и сотрудники ИЭИ УНЦ РАН Э.В. Камалеев, З.Ф. Хасанова и Ф.Г. Галиева. 2009 г.

Вознесенка в документальных хрониках.

Страницы истории.

Ф.Р. Серебренников – пчеловод и деревообработчик.

Основатель музея В.В. Пестерева.

Н.Ф. Игишева.

В.А. Зырянов.

Современные обряды и праздники.

Настоящее и будущее села.

У святого источника.

Спортивные победы.

Предметы, изготовленные вознесенцами, хранящиеся в Музее археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН.

Красота и богатство края.